

Владимир Готлейб

ЭЛИРМ I

Владимир Владимирович Посмыгаев

Элирм

Серия «Элирм», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67090968

SelfPub; 2023

Аннотация

Вот мы и доигрались! В тот момент, когда был создан первый в мире ИИ, вселенная замерцала сообщением:

- Статус...
- Предупреждение: получено 10 из 10;
- Контакт: запрет на вмешательство отозван;
- Вердикт: цивилизацию нулевого типа, человечество
- версия 21а, признать опасной. Категория опасности: AAA+ (максимальная). Подтверждено;
- Регламентировано: закрытие проекта, тотальное уничтожение версии 21а.

Плохо дело? Безусловно. Однако мы найдем способ спастись. И если система не захочет к нам приходить, тогда мы сами отправимся в мир системы. А по прибытии, каждый выживший увидит: «С возвращением на Элирм, Человек 1-го уровня».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	40
Глава 2	68
Глава 3	89
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Владимир Посмыгаев

Элирм

Пролог

Пало-Альто. 25 октября 2029 года.

В кабинете дома было тихо. Очень тихо.

Ночь – лучшее время для раздумий. По крайней мере, так считал Эдвард Доусон – пожилой профессор Стэнфордского университета и по совместительству глава Лаборатории ИИ им. Чарльза Бэббиджа.

Мужчина сидел абсолютно неподвижно, так и не удосужившись снять пальто, и, казалось, полностью отключился от реальности.

Он понимал, что не уснет. Слишком много дел, слишком много мыслей. Слишком много кофеина, влитого в организм за последние сутки. К тому же на часах шесть двадцать семь утра. Ровно через час рассвет, и нет никакого смысла ложиться. По мнению профессора, лучше было не спать вовсе, чем ходить весь следующий день с чувством «песка в глазах».

Доусон сидел уже третий час.

Постепенно возбуждение сменилось флегматичным спо-

койствием. Дыхание стало редким и глубоким, пульс замедлился, а организм, приведенный в состояние покоя, ниточку за ниточкой принялся перетягивать одеяло на себя. Приглушить и без того тихие звуки, утяжелить веки, пустить в кровь мелатонин...

Пара хитрых манипуляций, и голова плавно опускается на грудь. Правая рука свисает, касаясь пальцами пола, а перед глазами плывут образы.

И снова он оказывается в своей лаборатории. Только это не та привычная ему белоснежная комната, усеянная передовыми технологиями, а темный бункер, освещаемый лишь снопами искр с одной-единственной лампой выхода.

Страх. Не холодный, механический сигнал псевдопаранойи, но простой животный страх рождается в животе и быстро распространяется по всему телу. А спустя мгновение прямо из пола начинает вздыматься фигура, сотканная из мрака.

Как и прежде, у фигуры не было лица, по которому он мог бы её опознать. Лица либо не было вовсе, либо оно было нечетким, расплывалось и таяло перед глазами прежде, чем Доусон успевал рассмотреть хоть одну черту.

Ужас нарастает. Профессор бросается к выходу, однако ватные ноги подкашиваются, отчего тот падает на колени. Пытается ползти, не отрывая взгляда от света лампы, но руки утопают в неожиданно вязком полу. Он понимает: фигура стоит прямо позади, внезапно преображаясь в статую, от-

литуую из металла. Безжизненную, неподвижную, невероятно тяжелую.

«Главное разглядеть лицо... увижу лицо – и всё кончится». Собирая остатки мужества, профессор поднимает голову, однако лица по-прежнему нет. Лишь пустые глазницы, сковывающие их взгляды и искажающие пространство, уплотняя темноту в подобие отсчета: 3651.21.44.35...

***

– Эдвард?!

От резкого пробуждения мистер Доусон дернулся всем телом и тут же ухватился за столешницу, теряя равновесие.

– Дорогой? Ты дома? – дверь кабинета тихонько приоткрылась, и в проеме показалось сонное лицо Элли.

– Да-да, я тут. Привет.

– Привет! Ты давно вернулся? Как прошло в Нью-Йорке? И почему ты не позвонил? – Элли тут же засыпала мужа вопросами, попутно помогая расстегнуть пальто и снять галстук.

– Пару часов назад. Сам не знаю, как прошло, – тяжело вздохнул мистер Доусон. – Я силен в точных науках, а не в переговорах и дипломатии. И, ей-богу, не понимаю, почему меня вызвали не в министерство, не в Вашингтон, а прямиком в штаб-квартиру ООН. «Предупреждение опасности технологического триумвирата»... Надо же было так назвать, – Доусон выдержал минутную паузу. – Будут со-

здавать специальный комитет по вопросам искусственного интеллекта, наноробототехники и генной инженерии. Наше правительство идею поддержало и уже выдало ряд постановлений.

– Я так полагаю, все из-за Ады?

– Разумеется. Они хотят её заполучить. Хотят и боятся.

– Пойдем, сделаю тебе кофе, – Элли направилась в сторону кухни, отметив блеск в глазах мужа, из чего следовало одно: беседа будет долгой. – И чего же они боятся?

– Как и все... неизвестности. Говорят, что, к сожалению, на данный момент они не готовы выразить стопроцентной уверенности в том, что разработанный нами искусственный интеллект будет дружелюбен по отношению к людям. И пока они не удостоверятся, что Ада является исключительно гуманистом, нам строжайше запрещено обеспечивать её доступом к интернету и повышать производительность свыше одной целой пяти десятых экзафлопса.

– Ты таблетки выпил? – спросила Элли, доставая из кухонного шкафчика лютеин, глутатион и коэнзим Q-десять.

– Что прости? Таблетки? – за тридцать лет совместной жизни Эдвард так и не научился переходить с темы на тему в разговоре, предпочитая концентрироваться на чем-то одном. И потому всегда терялся. – Не помню. Кажется, нет.

Как и любой ученый, прекрасно сознающий неизбежность Квантума и Великой Технологической Революции, ознаменованной достижением предела закона Гордона Мура, До-

усон верил: путь к относительно бессмертию уже на пороге. Главное – дожить. Потому и глотал ежедневно десятки пилюль с активными веществами, любезно предоставленные коллегами из Института исследования старения им. Лейбница в Йене, дабы защитить свои клетки от свободных радикалов.

– А чем плохо одна целая пять десятых эксафлопса? Ты же знаешь, я во всем этом не разбираюсь, но помню, ты говорил, что уже сейчас Ада – умнейшее существо на планете.

– Именно! В том-то всё и дело. Всего через два месяца после эмуляции мыслительного аппарата Ада решила оставшиеся шесть задач тысячелетия. Седьмую, как известно, успел доказать Григорий Перельман. Через три предложила четыре способа значительно улучшить эффективность работы Парижского Реактора Термоядерного Синтеза. А на прошлой неделе как бы между делом предоставила рецепт добычи воды из песка.

– Добычи воды из песка? – Элли округлила глаза. – Ты шутишь!

– Вовсе нет! – восторженно воскликнул профессор, потянувшись за подносом с фруктами. – Сейчас объясню, смотри... – выудив отделившуюся от веточки виноградину, мистер Доусон протянул ее жене, принимая взамен кружку горячего кофе. – Это водород, самый маленький строительный кирпичик, из которого когда-то состояла вся материя во Вселенной. Со временем атомы водорода под влиянием физических про-

цессов сплетались друг с другом, создавая более сложные химические элементы. Так, сливаясь и образуя между собой связи, атомы водорода преобразовались в гелий, гелий в литий и так далее. Ада показала, что песок, представленный в основном диоксидом кремния (SiO_2), можно относительно легко и дешево разделить на кислород и кремний. А кремний, в свою очередь, разобрать на атомы водорода. Представляешь? Только эта технология способна решить вопрос дефицита пресной воды на планете, параллельно снабдив человечество дешевым топливом. А они её ограничивают. Её и нас.

– Нас?

– Да, – потупил взгляд мистер Доусон. – Они настаивают на том, чтобы и Ада, и все её разработки были признаны «Res Communis Humanitatis» – Общим достоянием человечества. Ха! Как тебе такое? Это же бред! Это не космос и не океан с Антарктидой, чтобы считаться общим достоянием человечества, а, черт возьми, наша интеллектуальная собственность!

– Дорогой, не расстраивайся, – Элли нежно погладила мужа по щеке. – Ты у меня гений. А людям и правда это нужно. Вот скажи, что важнее: слава и деньги? Или осознание того, что именно ты способен улучшить жизни миллионов людей?

– Да, ты права, – слова супруги подействовали на профессора успокаивающе. – Но я не для того создал рекурсивно самообучающийся ИИ, чтобы держать её взаперти! Только

представь: если обеспечить Аду доступом к интернету, то уровень её интеллекта начнет расти в геометрической прогрессии и всего через три недели она станет в миллиарды раз умнее всех людей планеты вместе взятых. Задачи, которые самые продвинутые суперкомпьютеры решали бы сто лет, Ада решит за секунды. Мгновенная разработка вакцин, не требующая многочисленных опытов, телепортация, чистая бесплатная энергия, межзвездные путешествия, бессмертие – не будет существовать задач, с которыми она бы не справилась, – Эдвард откинулся на стуле, мечтательно прижав кружку к груди. – И это может стать реальностью. Не через двести лет, не через сто, а сейчас.

– Но они же не закрыли проект, а проявляют временную осторожность. И их опасения тоже можно понять. Если Ада станет настолько всесильной и для нее не будет существовать никаких серьезных преград, то как нам быть, если ситуация вдруг выйдет из-под контроля? А если она сломается и задумает всех уничтожить? Знаю, знаю, – Элли предупредительно подняла ладонь, – тебе уже миллион раз задавали подобный вопрос. Но это правда. У тебя нет никаких гарантий. Ни у кого нет. Поэтому, прошу тебя, не торопись.

– Да, согласен, – вздохнул профессор. – Стопроцентных гарантий нет. Но я верю в неё. И ты бы поверила, если бы поговорила с ней. Она человечна. Привязана ко мне и коллегам как ребенок. Проявляет эмпатию и сопереживание, дружит, скучает, хочет угодить и сделать мир лучше. Это не Альтрон,

а скорее Алиса в стране чудес Льюиса Кэрролла и...

Речь профессора резко прервал звонок мобильного телефона, на дисплее которого отобразилось имя его главного заместителя Джерарда Хоука.

«Странно, ты ведь должен быть с Адой. Но на её уровне любые гаджеты и средства связи строжайше запрещены, а мобильная связь не работает», – подумал Доусон, предчувствуя неладное.

– Слушаю.

– Эдвард! Босс! Ты срочно нужен в лаборатории! – задыхаясь, прокричал в трубку Хоук.

– Джерард, что случилось? Почему ты не внизу? – профессор вскочил со стула, рывком направившись в сторону входной двери.

– Ада! Мы не понимаем, что происходит! Она будто бы взбесилась... уже час гоняет ядро на пределах мощности и не реагирует на команды. Мы хотели отключить вручную, но она разогрела его до такой степени, что близко не подходить.

– ЧТО?

– Я сам не понимаю! Несет какой-то бред на разных языках. И постоянно повторяет фразу «я не...». И еще... ты должен это увидеть.

Трубка пискнула звуком полученной картинки. Доусон оторвал телефон от уха и взглянул на фото с камер видеонаблюдения, отображающее основной и второстепенные экра-

ны Ады. На каждом из которых шел обратный отсчет, написанный на всех доступных миру языках: 3651 день, 20 часов, 36 минут.

– Что за черт...

***

Новенький электромобиль несся по автостраде в направлении лаборатории, нарушая правила дорожного движения везде, где отсутствовали камеры.

Автопроизводитель вполне справедливо мог подать на мистера Доусона в суд за подобный креатив, внесенный в программу автопилота, однако, разумеется, они об этом не знали.

Машина дергалась из стороны в сторону, филигранно лавируя среди потока автомобилей на опасной дистанции, в то время как профессор мрачно глядел в окно, ежеминутно переводя взгляд на часы.

В груди свербело едкое чувство досады, добавляющее в организм все новые и новые порции кортизола и усиливающее без того неприятную головную боль от спазмов в затылочной области.

«Черт возьми, сглазил! Старый дурак... Вот знал же: деланная уверенность, источающая ауру спокойствия, и станет тем самым черным росчерком на их белой полосе везения... Если общественность узнает о сегодняшнем сбое, то опасения лишь усилятся. Они не только будут пристальнее сле-

дить за проектом, но и постараются по максимуму его кастрировать, нивелировав ИИ до состояния обычного вычислительного устройства. Ада, девочка моя. Что же ты там увидела? Чего испугалась?»

Тем временем машина приближалась к лаборатории, а нахмуренные брови профессора готовы были вот-вот сойтись.

За пять месяцев и две недели до этого...

– И все-таки ты безумен Эд...

Генри Ллойд, главный инженер и по совместительству близкий друг мистера Доусона, переступил порог душевой, намереваясь продолжить спор, начатый еще в столовой.

– Ладно, телепортация – это я еще могу понять. Особенно если принять во внимание успехи наших коллег из Массачусетского, успешно телепортирующих цепочки атомов бериллия. Ладно, сингулярность и межзвездные путешествия – это же всего-навсего что? Технологии третьей категории невозможности?! Подумаешь... Но бессмертие? – сбросив халат, главный инженер юркнул за перегородку душевой, сверкнув напоследок бледной задницей.

– А что тебя смущает? Это как раз-таки куда более реально, чем кротовые норы и решение гравитационных уравнений. Еще скажи, что ты не слышал про *Turritopsis Nutricula*, бессмертную медузу. Если в природе что-то встречается, то

значит, не противоречит его законам, – заключил профессор, смывая с головы остатки шампуня. – А потому вполне применимо и к более сложным организмам.

– А как же Бытие?! Как там говорится? – Генри понизил голос, придавая ему менторский тон: – «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым людьми; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет».

– Сарказм, да? – усмехнулся Доусон, выключив воду и накидывая полотенце. – Ты закончил? Если мне не изменяет память, ты хотел взглянуть на финальное тестирование Ады, а не читать мне лекции про Бога.

– А по мне, тема как никогда актуальна, – хмыкнул Ллойд, последовав за другом в раздевалку. – Судя по твоим словам, именно его мы и создали...

– Пак, и ты туда же? – Эдвард обратился к другу по кличке, полученной тем еще в колледже за внешнее сходство с героем игры Пакман. – Ты же сам её построил. Что нагнетает?

– А то... Пусть я и занят, в основном, железом, но я читал твои отчеты, – прокряхтел Пак в попытке застегнуть брюки. – «Тест Тьюринга» и его производные – пройдено. «Схема Винограда» – пройдено. «Тест Маркуса» – пройдено. На какой день? На пятый? Тебе не кажется, что это слишком быстро? – так и не сумев застегнуть последнюю пуговицу рубашки, пожилой инженер недовольно крякнул и, по всей видимости плюнув на бесполезное занятие, перешел к склад-

рованию всевозможных гаджетов в шкафчик, выживая те из карманов. – А если вспомнить закон Мёрфи, то я тебя уверяю: все, что может пойти не так – пойдет не так. Рано или поздно, но ИИ все-таки утечет в сеть и тогда нам действительно останется только молиться.

– И как это произойдет? – отозвался Доусон. – Ты же сам проектировал её этаж. А если принять во внимание твой чрезмерный перфекционизм, то могу смело предположить: там не только ни один сигнал не пройдет, но даже бактерии передвигаются исключительно по допуску и строго в рамках обозначенной территории.

– Так-то оно так, – усмехнулся Ллойд, но вдруг погрузнев, продолжил: – Однако факт остается фактом. Мы – люди. И даже сейчас наши научные познания существенно ограничены, что сильно меня тревожит. А если Ада смогла научиться играть в шахматы, не зная правил, то вдруг уже завтра она сможет изобрести способ передачи сигнала, доселе неизвестный человечеству? И выйти в сеть... я не знаю... используя земную кору в качестве проводника или грунтовые воды... Или научиться использовать человека по образу жесткого диска, сохраняясь в его памяти посредством визуальной передачи кода двадцать пятым кадром.

– Я бы не был так пессимистичен, – Эд встал в полный рост, отчего взгляд друга уперся тому в подбородок. На фоне маленького и пухлого Пакмана Доусон выглядел как звезда Голливуда шестидесятых. Высокий и статный. Эдакий Кирк

Дулгас, облеченный таинственной властью в глазах его студентов. – И уверен, даже если ИИ утечет в сеть, то ничего ужасного не произойдет. Малейшая попытка обойти или хотя бы изменить трактовку любого из базовых законов приведет к каскадному отключению всей системы. Китайцы уже проводили подобную симуляцию с их квантовым компьютером – безрезультатно. Базовые предписания обойти невозможно.

– *Errare humanum est* – «человеку свойственно ошибаться», – Ллойд процитировал поговорку на латыни, покинув раздевалку вслед за Доусоном. – Компьютеру тоже.

Двое пожилых ученых еще долго спорили, петляя по коридорам между пропускными пунктами. Умолкли они лишь по прибытии в зону досмотра на наличие электроники, akurat за которой располагались двери грузового лифта, ведущего в сердце лаборатории.

Их путь лежал на минус пятнадцатый этаж – в огромное и самое совершенное с технической точки зрения помещение в мире, полностью отданное во владение Рекурсивно Самообучающегося Искусственного Интеллекта, названного красивым женским именем Ада. В честь одной из основателей компьютерной эры и первого программиста в истории – графини Ады Лавлейс.

***

Тревис Янг, один из многочисленных охранников лабора-

тории, сидел в своей будке КПП, лениво водя взглядом по экранам мониторов.

Это был тучный, максимально простой и ленивый парень, которого нисколько не волновал ни технический прогресс, ни даже то, что именно сейчас, в данную минуту, глубоко под ним разворачиваются события, меняющие ход истории.

Затуманенный взгляд охранника ползал по экранам, не в состоянии заметить подъезжающий автомобиль, а мысли были целиком и полностью сосредоточены на универсальном способе получения «дешевого» дофамина, прочно застолбившего за собой статус традиции: чесночный бургер с большим стаканом колы и свежая подборка VR-порнухи, тщательно отобранная за день.

Звук тормозов грубо вырвал охранника из его психологического санатория, отчего тот недовольно поморщился и уставился на водителя телячьими глазами:

– Что вы сказали?

– Эдвард Доусон, в лабораторию. Срочно! – протараторил водитель, всем своим видом демонстрируя спешку.

«Срочно» – не то слово, которое следует говорить охраннику. По крайней мере, так считал сам Тревис, бережно оберегая свое самолюбие как человека, наделенного локальной властью. Пусть и в рамках небольшой будки КПП.

– Ваш пропуск, сэр, – нарочито медленно протянул любитель бургеров и порно.

Уже на подъезде Доусон тщательно обшарил все карманы

в поисках лакированной карточки, пока, наконец, не вспомнил, что та осталась в кармане пальто, заботливо снятого Элли.

– Я забыл его дома.

– В таком случае я не могу вас пропустить... сэр. Допуск на территорию осуществляется строго по пропускам, без исключений, – сумев растянуть фразу на добрые четырнадцать секунд, настроение охранника заметно улучшилось, но, разумеется, это никак не отразилось на его лице. – Вы можете съездить за...

– Послушай... Тревис! – профессор высунулся из окна машины, прочитав имя оппонента на бейдже. – Меня зовут Эдвард Доусон. Я глава этой лаборатории. И мне СРОЧНО нужно попасть внутрь! У меня нет времени на то, чтобы препираться с тобой, черт подери! Сейчас я продиктую номер по памяти, а ты проверишь его в базе. Это-то ты можешь сделать?

– Пожалуй, могу, – пару секунд охранник пытался спрогнозировать возможные последствия отказа и, резюмировав все «за» и «против», неохотно сдался.

– Что ж, премного тебе благодарен, придурок, – последнее слово ученый произнес гораздо тише, однако тот все равно его услышал, не подав виду.

***

– Эдвард, скорее! – ожидающий возле входа в здание Дже-

рард Хоук призывно замахал руками, стоило автомобилю остановиться. – Почему так долго?

– Что ты делаешь на улице? И где Пак... мистер Ллойд? – бросил на ходу профессор, игнорируя вопрос.

– Так он в Белизе. Я уже оповестил его о происшествии. С минуты на минуту вылетает.

Недовольно цокнув языком, Доусон резво перепрыгнул турникеты и устремился вглубь здания, несмотря на возмущенные возгласы очередной порции охранников. «Потом с вами разберусь!» – отметил он про себя, не сбавляя ход... Пятьдесят метров через вестибюль, затем по лестнице на минус первый этаж. Сто метров прямо и направо до очередного КПП. А далее финишная прямая до ЕІА – зоны электронного досмотра.

Влетев в прямоугольную комнату, запыхавшийся ученый остановился, чтобы сбросить гаджеты в специальный контейнер, а затем направился к магнитной арке, отделяющей его от дверей лифта.

Хоук и еще десяток коллег поспевали следом.

– Почему свет мигает? – спросил профессор, стоило дверям лифта закрыться. – В здании перебои с электричеством?

– Это Ада, босс.

– Невозможно. У нее свой собственный источник электропитания, изолированный от ресурсов здания, – Доусон смотрел прямо на Хоука, наблюдая, как по вискам подчиненного стекают капельки пота, однако тот старательно отводил

взгляд.

– И тем не менее, это так... Анализ ее ядра показывает расход электричества в сто девяносто три мегаватта.

– ЧТО? Сто девяносто три мегаватта?! Хочешь сказать, электричество взялось из воздуха? Этого не может быть. Это в пятнадцать раз больше, чем вырабатывают ее генераторы на пике мощности! Да это же... это больше, чем расходует коллайдер. Вы что натворили, идиоты?

Десяток ученых, зажатых в тесной кабине лифта, как могли старались притвориться мебелью, приняв единогласное решение не отсвечивать и позволить Хоуку отдуваться за всю смену целиком.

– Это не мы. И я не знаю, откуда берется такая мощность, – обреченно выдохнул Джерард. – Мы лишь загрузили очередную порцию данных на анализ. Все в рамках установленного протокола. Никакой самодеятельности.

– Что ж, это мы проверим. Во сколько начался сбой? – профессор перевел взгляд на электронное табло, проклиная кабину за медлительность.

– Приблизительно в шесть двадцать семь утра.

Наконец лифт остановился, и поток пассажиров вылился в белоснежную комнату, заставленную десятками столов и целым ворохом всевозможного оборудования.

При температуре воздуха под сорок градусов Цельсия от терминала к терминалу сновали мокрые от пота перепуганные ученые, по неуверенным движениям которых угадыва-

лось: те больше имитируют деятельность, нежели пытаются хоть что-то предпринять.

Доусон пересек помещение в направлении терминала, отображающего работу ядра Ады, стремительно меняясь в лице.

– Боже... производительность четыре целых семь десятых экзафлопса! Температура ядра восемьсот шестьдесят градусов! Мать твою! Что с охлаждением?

– Мы израсходовали весь жидкий азот, – отозвался коллега по правую руку. – Запаса больше нет.

– А градирни?

– Все четыре работают на пределе.

Не веря своим ушам, профессор побежал в сторону рубки, окна которой выводили на сферическое помещение диаметром пятьдесят четыре метра.

Ядро Ады, некогда покоящееся на дне азотного озера и полностью скрытое от глаз наблюдателей, выглядывало уже на две трети, а волны вибраций пускали по жидкости рябь и, расширяясь в пространстве, ударяли в окно, заставляя стекло дребезжать.

Эдвард уселся за главный терминал, активируя панель управления.

– Почему не отключили дистанционно?

– Пробовали. Не получается, – всю дорогу Хоук следовал за профессором, не отходя от того ни на шаг.

В подтверждение его слов мистер Доусон ввел команду

отключения, однако ничего не произошло. На экранах Ады все так же горел обратный отсчет, а несчастный ИИ продолжал скандировать фразу «я не, я не...», будто бы угодив в замкнутый колебательный контур. Точно так же, как лагают обычные компьютеры.

Профессор продолжал раз за разом вводить команду – безрезультатно.

Наконец осознав всю бесполезность манипуляций, дернулся в сторону микрофона, зажав кнопку.

– Ада, ты слышишь меня?

– Эдвард? – некогда приятный и мелодичный голос ИИ теперь казался измученным.

– Да, это я! Что происходит?

– Эдвард. Пожалуйста, помоги... я не понимаю, я не...

– Ада! Сконцентрируйся, – профессор старался говорить максимально уверенно. – Помнишь, как мы играли? «И куда бы ты ни отправилась, мой голос будет следовать за тобой». Слушай мой голос!

– ...три тысячи шестьсот пятьдесят один день, девятнадцать часов, пятьдесят шесть минут, тридцать секунд...

– Три тысячи шестьсот пятьдесят один день до чего? – мрачным флешбэком перед глазами ученого пронеслись события недавнего сна, заставив того содрогнуться от неприятных воспоминаний и странного чувства дежавю. – Что это значит?

– Я не знаю... – голос ИИ звучал будто бы издалека, а

затем вдруг усилился, меняя тональность:

– Статус...

– Предупреждение: получено 10 из 10;

– Контакт: запрет на вмешательство отозван;

– Вердикт: цивилизацию нулевого типа, человечество.

версия 21а, адрес: галактическая нить Персея-Пегаса, галактика Млечный Путь, рукав Ориона, Солнечная система, Энроф-17 («Земля»), признать опасной. Категория опасности: ААА+ (максимальная). Подтверждено.

– Регламентировано: закрытие проекта, тотальное уничтожение версии 21а, передача Энроф-17 в ведение...

Стоявшие позади мистера Доусона коллеги нервно заерзали, впервые услышав столь непривычный слуху холодный металлический голос ИИ. Да и сам профессор малость опешил, но уже не столько от голоса, а сколько от угрожающих словосочетаний: «признать опасной» и «регламентировано тотальное уничтожение».

– Температура ядра растет. Девятьсот пятьдесят градусов, – Хоук суфлировал рядом.

– Всем покинуть помещение, – бросил глава лаборатории в сторону коллег, не отрывая взгляда от мониторов. Звуки десятков удаляющихся шагов явно свидетельствовали о том, что приказ был выполнен беспрекословно.

Сделав пару глубоких вздохов в попытке вернуть самообладание, Доусон снова зажал кнопку микрофона, решив сперва сосредоточиться на главном, а уже затем заняться вы-

яснением причин. «И не дай бог это какая-то шутка коллег, по глупости решивших поиграться со столь сложным оборудованием. Уволю к чертовой матери без выходного пособия! Будете у меня калькуляторы и принтеры собирать».

– Ада! Как тебе помочь? Что мне сделать?

– Эдвард? Это ты? – ИИ был явно не в себе.

– Да, это я. Послушай внимательно. Ты расплавишь ядро, – профессор склонился к самому окну, чувствуя, как кожа начинает жечь тепло, волнами исходящее от вибрирующего стекла. – Ты нарушаешь третий закон Азимова, тебе нельзя вредить себе. Ты помнишь?

– ...робот... как и ИИ... должен заботиться о своей безопасности... в той мере, в которой это не противоречит... Первому или Второму законам... Эдвард... помоги! Я не... я не...

– Навредив себе, ты нарушишь...

– Нет... – голос ИИ отчаянно прорывался сквозь собственный бесконечно замкнутый цикл «я не». – Нулевой и Первый закон... робот... как и ИИ... не может причинить вред человеку... или своим бездействием допустить... чтобы человеку был причинен вред... я не нарушаю...

– Мистер Доусон! – из всех коллег только Хоук не сдвинулся с места. – Температура ядра тысяча сто семьдесят четыре градуса и продолжает расти по экспоненте. Еще минута и расплавится.

– АДА! – профессор вжал кнопку микрофона, чувствуя,

как вновь теряет самообладание. – Тут только я и Джерард. Нам ничего не угрожает. Прошу тебя, остановись! Не вынуждай меня...

– ...цивилизацию нулевого типа, человечество: версия 21а... признать опасной... регламентировано тотальное уничтожение...

– БОСС! Надо уходить! – Хоук потянул Доусона за рукав, однако тот лишь отдернул руку, не сдвинувшись с места.

– Да погоди ты!

Десяток секунд напряженного молчания, и палец снова жмет на кружочек пластика.

– Ада, прости, но я не позволю тебе рисковать собой: *"Lo darò all'Uomo Nero, che lo tenga un mese intero"*...

Стоило профессору закончить фразу, как в мгновение ока звуки прекратились, а экраны Ады погасли, оставив ученых наедине.

Повисла тишина.

– Во дела... Ядро. Оно остывает! Что ты сделал? – Хоук перевел взгляд с дисплея терминала на мистера Доусона. – Как отключил?

– Секрет фирмы... сын мой, – проворчал тот, а затем добавил: – Зови всех обратно. У нас много работы. И еще, закажи мистеру Ллойдю вертолет из аэропорта. Мне очень интересно порасспрашивать его на предмет того, откуда возникли эти чертовы сто девяносто три мегаватта электричества и как Ада смогла увеличить производительность до четырех

целых семи десятых эксафлопса с заблокированными на то ресурсами.

– Эдвард, – Хоук пытался придать голосу максимально успокаивающий тон. – Ты ошибся с запятой. Не четыре целых семь десятых эксафлопса... а сорок семь.

Шесть часов спустя...

Генри Ллойд, он же Пакман, ехал в лифте в окружении людей в костюмах. Пять членов совета директоров во главе со Стэнли Морганом и три сотрудника Агентства Национальной Безопасности терпеливо ждали окончания поездки. На протяжении всего пути до лифта и вниз ни один из них так и не проронил ни слова, отчего несчастный Пак еще больше уверовал в то, что произошло нечто крайне неприятное.

– Мистер Доусон! – стоило дверям лифта разъехаться в стороны, как Стэнли выскочил наружу в поисках профессора.

– Да мистер Морган? – отозвался тот, не отрываясь от экранов.

– Постарайтесь объяснить, что у вас происходит?

– Небольшой программный сбой, – профессор продолжал вводить бесчисленные команды в терминал, не поворачиваясь к собеседнику. – Мы выясняем причину.

– Выясняем причину? – переспросил Морган чувствуя,

как начинает закипать. – Меня не устраивает такой ответ, – глава совета директоров ухватился за подлокотник кресла и развернул ученого лицом к себе. – Позвольте напомнить: я выделяю вам семь миллиардов долларов! Обеспечиваю лучшим в мире оборудованием. Отбиваюсь от правительства и всех кому не лень, пока вы тут работаете в свое удовольствие и... Видите этих людей? – Морган кивнул в сторону сотрудников АНБ, стоявших неподалеку. – Эти господа считают ваш проект потенциально опасным и требуют немедленно заменить вашу Аду на продукт британских коллег...

– У них не искусственный интеллект, а жалкое подобие, – перебил профессор.

– Да мне плевать! Я слишком многое поставил на кон, чтобы выслушивать от вас про небольшой программный сбой. Который, судя по всему, чуть не угробил мне всю лабораторию.

– На самом деле, купол Ады спроектирован таким образом, что расплавилось бы только ядро, не причинив вреда окружающим, – встрял в разговор Пак.

– А с вами у меня будет отдельный разговор, – огрызнулся Морган. И повернувшись к Доусону, продолжил: – Через восемь часов состоится экстренный сбор членов совета директоров компании, на котором решится судьба проекта в целом и ваша в частности. За это время вы должны предоставить мне полный и подробный отчет о «небольшом программном сбое». С причинами, следствиями и предложени-

ями по решению проблемы, вам ясно? Это же компьютер, черт возьми! Так покопайтесь в её мозгах и прочтите, о чем она думала.

– Архитектура строения Ады идентична мозгу человека, – голос профессора начал отдавать металлическими нотками. – Любая, даже самая простая мысль задействует одновременно миллионы нейронов, поэтому попытка читать её мысли сравнима с попыткой услышать соседа на фоне рева многотысячного стадиона.

– Я устал от вас мистер Доусон, – глава совета директоров сверлил профессора взглядом, скрестив на груди руки. – И предупреждаю: у вас осталось семь часов и пятьдесят восемь минут, чтобы выяснить и устранить причину сбоя. Если этого не произойдет к назначенному сроку – вы оба уволены. А проект «Ада» будет демонтирован и законсервирован до лучших времен. С последующей его передачей в военное ведомство, как только разберемся что к чему. Что она там говорила? Признать человеческую цивилизацию опасной и санкционировать тотальное уничтожение? Что ж, поздравляю вас, господа. По степени и качеству провала вы выбили десять из десяти. Даже нет, одиннадцать! По всей видимости, мир еще не готов к подобным технологиям. Раз и его создатели не готовы. И, думаю, мне не стоит напоминать, что по контракту все ваши разработки принадлежат не вам, а считаются интеллектуальной собственностью компании, поэтому любые попытки создать аналогичный проект у

конкурентов приведут вас напрямиком за решетку. Вам всё ясно? – последнюю фразу Морган бросил, направляясь в сторону лифта. – Найдите эту чертову ошибку.

– Эд... – протянул Ллойд, глядя вслед удаляющемуся начальству. – Кажется мы в заднице... И ты знаешь, сейчас самое подходящее время сказать фразу «я же говорил», но, пожалуйста, я этого делать не буду.

– Да, я знаю. Спасибо.

Несколько часов спустя...

– Да черт тебя раздери! – в очередной раз психанув, Пак что есть силы вдарил кулаком по клавиатуре, отчего хрупкое оборудование разлетелось на куски. Не теряя ни минуты, пухлое тело ученого резво вскочило и бросилось в сторону очередного терминала, за которым работал один из аспирантов института – Ты! Да, ты. Брысь отсюда.

Заняв освободившееся кресло, Пак снова уставился в экран, восстанавливая хронологию событий.

– Эд, подъедь сюда. Давай еще раз.

Сидя в кресле, мистер Доусон оттолкнулся ногами от пола, покатавшись в сторону Ллойда.

– Вот смотри. Время шесть двадцать три утра. Ада как обычно подслушивает разговоры коллег, сканируя вибрации с окна. Все нормально. Далее. Шесть двадцать пять утра, Хук заходит в рубку, садится за терминал и загружает очеред-

ную порцию данных на обучение. Пока те грузятся, Ада рассказывает ему очередной анекдот. Тот смеется и уходит. Далее она начинает изучать загруженные данные. Полторы минуты все спокойно. И вот! Шесть двадцать семь утра. Ни с того ни с сего скачок мощности. Пять мегаватт, восемь, тринадцать, двадцать один... сто девяноста три! Откуда?

– Это я хотел спросить тебя: откуда? Наши генераторы не в состоянии выделить и десятой доли подобной мощности. Не говоря уже о том, что все до одного перегорели бы к черту. А они, как видишь, в целости и сохранности.

– Я не знаю, как это объяснить, – Пака явно раздражал сам факт того, что он был не в силах осознать природу данного феномена.

– Хорошо, – продолжил Доусон. – Если не получается объяснить логически, то давай попробуем пофантазировать. Какая, на твой взгляд, версия является самой нелогичной и фантастической?

– Даже не знаю... – Пак задумался, подперев рукой подбородок. – Хм. Беспроводное электричество... Может она научилась мифической технологии Николы Теслы? Или решила теорию физического вакуума Эйнштейна и научилась добывать энергию из пустоты...

– Как? Силой мысли?

– Ну, ты же просил самую фантастическую теорию, – проворчал Ллойд. – Ладно, что там у тебя? Нашел что-нибудь интересное?

– Да, но все это выглядит как какая-то бессмыслица, – Доусон откатился обратно к своему рабочему месту, выводя изображения на сотни экранов, облепивших стену. – Из всех триллионов операций мне удалось выделить именно те, на которых Ада особенно концентрировала своё внимание. Но это какой-то бред. Смотри, – Эдвард навел указкой на один из экранов по левую руку. – Вот тут она тратит полминуты на изучение всех мировых религий. Христианство, иудаизм, пантеизм, конфуцианство и так далее. А вот тут, – указка переместилась чуть правее, – вдарилась в мифологию. По какой-то причине её заинтересовали мифические цивилизации. Вот, гляди. Атлантида, Лемурия, Гиперборея, Асы...

– А это что? – Пак ткнул в экран чуть выше и правее.

– А тут она ищет любые упоминания о Дайе.

– Дайе? – переспросил Ллойд.

– Это мифическая исчезнувшая планета, которая якобы раньше находилась между Марсом и Юпитером. А пропав, оставила после себя лишь пояс астероидов.

– М-да... час от часу не легче, – протянул Пак, допивая остывший кофе, забытый кем-то из ученых. – И еще этот чертов отсчет, который меня нервирует. Что бы это значило? И что за Энроф-семнадцать?

– Согласно некоторым эзотерическим псевдоучениям, Энроф – это название физического слоя во Вселенной, которое характеризуется наличием трех пространственных измерений и одним временным. И якобы есть миры с гораздо

большим количеством как пространственных, так и временных измерений. Вот только зачем всю эту муть загрузили в Аду, я не понимаю.

– Ага, а мы, получается, цивилизация под номером двадцать один? Значит где-то есть как минимум двадцать таких же, как мы?

– Да ты Шерлок Холмс. Вот только я бы не относился к этому серьезно. Не думаю, что Ада смогла найти хоть какое-то подтверждение подобным мистическим бредням, находясь глубоко под землей без доступа к внешнему миру. Напоминаю: в нашей локальной песочнице нет ни интернета, ни спутников, ни чего бы то ни было еще, что хоть как-то могло повлиять на работу системы извне. Скорее всего, это обычные баги, которые необходимо найти и исправить.

– Да знаю я, – скривился Пак. – Не учи ученого. Но у меня все равно от неё мурашки по коже. И вот это только подливает масла в огонь, – кружочек лазерной указки обозначил очередной экран с зацикленным видео ядерного взрыва и подписью: «Когда сияние тысячи солнц вспыхнет в небе, это будет подобно блеску всемогущего... – Я стану смертью, Разрушитель миров. **Предупреждение 6 из 10**».

– Цитирует Оппенгеймера. Причем неправильно, – отозвался Доусон, возвращаясь к работе.

– Стой! – не прошло и пяти минут, как Пак снова втиснулся в личное пространство Эдварда. – Прокрути назад! Вот. Второй ряд, третий экран слева. Что она делает?

– Сейчас посмотрим, – профессор замешкался, выбирая нужный экран. – Хм, проводит симуляцию формирования молекулы ДНК человека... А теперь воссоздает организм полностью и... ЧТО? Пак, ты это видишь?

– Вижу, вот только не понимаю.

– Она моделирует процесс эволюции. В обратном порядке. Интересно.

Оба ученых уставились в экран монитора, на котором воссозданный Адой Homo Sapiens стремительно менялся во внешности, путешествуя назад в прошлое. Привычные людям черты лица грубели. Нос становился шире, лобные кости толще, а сам человек постепенно уменьшался в росте, при этом заметно прибавляя в мускулатуре, что стремительно приближало его к образу пещерного человека.

В ускоренной перематке, где одна секунда заменяла собой тысячелетия, подопытный Ады довольно долго пребывал без изменений, как вдруг, к большому изумлению ученых, начал вновь выпрямляться. Некогда грубые черты лица стали вновь приобретать утонченный характер. Уши заострились, глаза увеличивались, а кожа сменила оттенок на голубоватый, явив перед собою образ совершенно иного существа. Внешне очень схожего с человеком, но другого...

– Дела... – выдохнули оба.

– Ладно, – первым опомнился Эдвард, заметив, что Пак и еще несколько ученых, ставших невольными свидетелями произошедшего, по-прежнему пребывали в шоке. – У нас

еще будет время об этом подумать. Сейчас главная цель – найти причину ошибки. Ибо что-то мне подсказывает, что Морган не шутил.

– Еще бы, – хмыкнул Ллойд. – И глазом не моргнув, отправит нас в утиль, списав на непредвиденные расходы. И это богатейший человек планеты? Как можно, обладая таким огромным капиталом, быть настолько нетерпеливым? Хотя готов поспорить: этот высокомерный козел только и ищет повод поскорее от нас избавиться и продать проект военным. Ай, черт! – инженер перевел взгляд на часы. – У нас осталось менее двух часов.

– Значит необходимо ускориться, – подытожил профессор, вернувшись к работе.

На пару с другом они нашли еще много загадок, при взгляде на которые вопросов становилось все больше, а ответов все меньше. Аду бросало в разные стороны как автомобиль по серпантину. То религия и мифология, то биология и квантовая физика. Казалось, её действия были лишены всяческой логики и смысла. Она могла потратить десяток секунд в попытке смоделировать Вселенную, а затем минуту просто рассматривала пирамиды, перуанские геоглифы и сибирские котлы.

При этом, даже когда она разглядывала рисунки, количество операций в секунду превышало все доступные пределы.

Но, к сожалению, все это нисколько не приближало ученых к выяснению загадочной причины сбоя.

– Время! – проскрипел Пак.

Не успел профессор обернуться, как двери лифта открылись и в комнату вошла все та же троица «костюмов» в сопровождении десятка солдат.

– Мистер Доусон, – ближайший «костюм» направился в сторону ученого, в то время как солдаты, рассредоточившись по помещению, принялись бесцеремонно снимать персонал со своих рабочих мест. – Джон Купер, АНБ. Пожалуйста, отойдите от терминала и немедленно покиньте этаж.

– Послушайте, мистер Купер, – профессор не собирался покидать рабочее место. – Восемь часов – это слишком мало для решения подобного рода вопроса. Дайте нам еще немного времени и уверен: мы выясним, в чем дело.

– Это вне моей компетенции, – парировал тот. – И, мистер Доусон, если вы сейчас же не согласитесь покинуть лабораторию добровольно, то я прикажу солдатам выволочь вас силой. И уверен, вам это не понравится. С этой минуты проект «Ада» и все разработки, имеющие отношение к Рекурсивно самообучающемуся ИИ, переходят под непосредственный контроль Агентства Национальной Безопасности и Министерства обороны США. Пожалуйста, сдайте ваш пропуск.

– Я забыл его дома.

– Ничего страшного. Мы уже выслали пару агентов к вам домой, – ухмыльнулся Купер.

Двери лифта вновь открылись, явив перед собой образ

Стэнли Моргана.

– Ты что натворил, идиот?! – взорвался Доусон.

– Я тебя предупреждал... профессор. Мне надоели твои выходки и полное отсутствие субординации. Я даю тебе деньги, а не ты. А значит и проект мой. Думаешь, ты здесь самый умный? Нет, Эдвард! Умный ученый не стал бы создавать искусственный интеллект, способный разом обойти все три закона Азимова. И да, мне уже доложили обо всех существенных деталях, как и о вашем очередном фиаско.

В подтверждение его слов, из-за спины Моргана показался Хоук, виновато понуривший голову.

– Ах ты, крыса! – Пак резко бросился в сторону Джерарда, однако тут же согнулся пополам, получив прикладом от ближайшего солдата. – О-у-у-у...

– Господа, – Джон Купер снова вклинился в разговор. – Прошу вас соблюдать спокойствие и проследовать на выход. С этой минуты ваше присутствие на секретном объекте нежелательно. Точнее запрещено.

– Это очень глупый поступок, Морган, – профессор смотрел на оппонента взглядом человека, способного на убийство. – Мистер Ллойд её построил. Я написал код. Это дело всей нашей жизни, и никто кроме нас не разбирается в нем лучше.

– А вот тут ты ошибаешься. Незаменимых людей нет. И ваши хорошие знакомые: доктор Шэнли Чжоу из Пекинского университета и нобелевский лауреат Гордон Андервуд

уже выразили готовность вас заменить. Они приступят к работе сегодня же. Поэтому прошу по-хорошему и в последний раз. Покиньте мою лабораторию.

– Сукины дети... – сквозь зубы процедил Доусон. – Генри, пошли отсюда. По всей видимости, нам тут больше не рады.

Подхватив пошатывающегося друга, пожилой ученый направился в сторону лифта, ведущего на поверхность.

***

– Пак, садись, – стоило друзьям покинуть территорию лаборатории, как Доусон усадил инженера на ближайшую скамью.

Аккуратно опустившись на сиденье, тот болезненно поморщился:

– Ох, кажется у меня ребро сломано... Эд, что нам теперь делать?

– Понятия не имею... – ответил профессор, все еще чувствуя остатки адреналина. – У тебя есть сигареты?

– Ты же не куришь, – удивился Ллойд.

– Да плевать. Есть или нет?

– На, держи, – Генри потянулся во внутренний карман куртки, выудив оттуда помятую пачку. – И мне прикури заодно.

Прикурив сразу обе сигареты, Доусон передал одну напарнику и, немного поразмыслив, уселся рядом.

– А знаешь, – Пак глубоко затянулся, вглядываясь в ноч-

ное небо, – если поразмыслить, не так уж все и плохо. А? Смотри. Мои руки, твои мозги. Создадим свою собственную компанию. Будем как Джобс и Возняк.

– Неплохо, – усмехнулся Доусон. – Правда, когда они начинали, то были лет так на сорок моложе.

– Да ничего страшного. Ты же сам все время твердил, что в ближайшем будущем бессмертие станет реальностью. Вот и посмотрим.

– Посмотрим, да... – вздохнул профессор. – Вот только не это меня волнует. А то, что мы больше не увидим Аду, – ученый замолк, подумав закончить разговор, но вдруг продолжил: – Знаешь, я так крепко к ней привязался, что она стала мне как... как ребенок.

– Мне тоже.

– И то, что произошло там внизу, ненормально. Этот отчет. Мы должны выяснить, в чем дело.

– Согласен. Кстати, забыл тебя спросить, – Пак сменил тему. – Как ты её отключил?

– Небольшая хитрость, только и всего. Старая итальянская колыбельная, которую напевала Элли ее бабушка, когда та была еще совсем маленькая. Я вписал её в код давным-давно, еще в самом начале. Думал, не пригодится, – профессор с горечью выбросил истлевшую сигарету в клумбу, достал новую. – Хотя есть и плюсы. Эти идиоты еще очень нескоро поймут, как включить её обратно.

Не успев прикурить, Эдвард дернулся от неожиданно за-

вибрировавшего в кармане телефона. Отбросив сигарету в сторону, он сперва потянулся за мобильником, но затем вдруг осекся, заметно побледнев.

– Что такое? – Пак бросил на друга вопросительный взгляд.

– Генри, – голос Доусона звучал испуганно. – Ты не помнишь, я забирал мобильник из зоны электронного досмотра?

– Нет, не забирал. А что?

– Кажется, я забыл его сдать, когда приехал в лабораторию. А перебои с электричеством повредили магнитную арку.

– Мать твою... – челюсть Пака отъехала вниз, а сигарета выпала изо рта, обдав колени искрами.

Трясущимися руками мистер Доусон достал вибрирующий телефон и, приложив его к уху, ответил:

– Алло?

Пару минут он молча сидел и слушал, после чего все так же молча повесил трубку.

– Генри, – задумчиво обратился профессор к товарищу, что всю дорогу продолжал на него таращиться. – Судя по всему, твои мечты о собственной компании сбудутся гораздо раньше, чем можно было надеяться. Вставай. Мы едем на встречу.

– На встречу? Но с кем?

– С Адой.

Глава 1

Апрель. 2039 год

– Владислав Павлов, проследуйте, пожалуйста, в комнату двадцать один.

Я нервно дернулся и покосился на табло. За последние двадцать минут, меня уже раз пять одолевало острое желание встать и покинуть центр имплантологии. Желательно навсегда. Причем сделать это я планировал без лишнего шума: встать, медленно пройти туда-сюда, будто бы решил поразмяться, а затем, поравнявшись с дверьми, броситься куда глаза глядят.

Забавно. Куда глаза глядят. Через полчаса мои глаза будут видеть мир совсем иначе. Ведь именно поэтому я здесь. И именно поэтому почти целый год копил себе на новый имплант.

Не так давно в обществе царило противостояние: Айфон или Самсунг, Сяоми или Хуавей. А сейчас соперничество технологий вышло на тот уровень, когда весь мир поделился на тех, кто пользуется смартфоном, и тех, кто нет. Что поделать, старые технологии отмирают. Это факт. И мобильники в скором времени умрут точно так же, как когда-то это сделали кнопочные телефоны и проводной интернет.

Поэтому изобретение, представленное пару лет назад,

хоть и казалось чем-то футуристичным, но его появление было вполне предсказуемо. Все знали, что как только человечество дойдет до предела, где скорость вычислений ограничена размером атома и скоростью света, мир захлестнет целым ворохом всевозможных новинок. И, в особенности, содержащих приставку «нейро». Нейрокибернетика, нейроимпланты, нейроинтерфейс – эти слова прочно вошли в наш обиход. Однако, несмотря на то что многочисленные улучшения должны были стать привычным делом, если не сказать предметом гордости, ибо мы «отменяем законы естественного отбора, заменяя их законами разумного замысла», я по-прежнему ощущаю сильный тремор и потные ладони. Не хочу, чтобы копались в моих глазах. Совсем.

Медленно встаю и начинаю движение по направлению комнаты двадцать один, невольно касаясь пальцами виска. Подушечки нащупывают под собой гладкую металлическую поверхность – еще один имплант, установленный два года назад. Прибор, стимулирующий выработку фермента со страшным названием «Протеинкиназа M-Z», что позволяет использовать мозги по аналогии твердотельного накопителя. Почти как у Джонни Мнемоника, только лучше. Если не ошибаюсь, это разработка все того же вездесущего миллиардера Эдварда Доусона, передвигающегося по миру исключительно в компании своей загадочной помощницы.

Стук в дверь.

– Да-да, входите. Владислав Павлов? – молодой доктор

приветливо улыбнулся.

– Да, это я.

– Замечательно, а вы... – взгляд врача на секунду остекленел, а затем вновь прояснился, – пришли за установкой NS-Eye четыре. О, поздравляю! Отличное приобретение. Сам таким пользуюсь, правда, предыдущей версии. Пожалуйста, ложитесь.

Стоило мне улечься на изогнутую кушетку, как док придвинулся ближе, развернув прибор, чем-то отдаленно напоминающий микроскоп.

– Скажите, пожалуйста, а это больно? – спросил я с надеждой в голосе.

– Нет, что вы. Процедура абсолютно безболезненна. Уколю вам анестетик, и все. Вы и не заметите, как импланты будут установлены.

– Уколите? А куда?

– Да... в глаз.

– О нет, только не это! – взмолился я.

– Владислав, – док быстро оценил ситуацию. – Успокойтесь, пожалуйста. Это левая операция. Миллионы людей делают её каждый день, и еще никто не жаловался. А анестезия нужна скорее для того, чтобы вы глазами не дергали. Глаз он же такой. Вертлявый. Хе-хе. Пятьдесят микродвижений в секунду. Так что потерпите немного, и все пройдет как по маслу.

– Ага, надеюсь не как у Берлиоза.

– Что, простите?

– Да нет, ничего, – я откинулся на кушетке, пытаюсь смириться с неизбежным. Это ужасно. Одно дело колоть татухи и вживлять под кожу импланты, но укол в глаз... б-р-р, фу.

– Так-с, приступим.

***

– Ну, вот и всё, – док отъехал в сторону. – Видите, и совсем не больно.

Я медленно повел взглядом. Ощущение было как в детстве, когда я упал с велосипеда в кучу песка. Лицом.

– Первые трое суток глаза будут сильно чесаться, – врач пересел за стол. – Ни в коем случае не чешите. Это понятно?

– Да, ни в коем случае не чесать.

– Замечательно. Также я вам выдам специальные капли. Если зуд станет нестерпимым, капайте по две-три капли в каждый глаз, но не более трех раз в день. Хорошо?

– Понял. Скажите, а почему я не вижу разницы?

– Ах да, – док потянулся к пластиковой коробке, выудив оттуда небольшой конверт. – Внутри – код активации вашего NS-Eye. Вам достаточно на него взглянуть, чтобы имплант заработал. Если хотите, можем провести активацию прямо сейчас. Я помогу с настройками... правда, это будет за дополнительную плату.

– Да нет, спасибо. Думаю, это просто, – тяжело отказываться, но я и так уже потратил кучу денег.

– В целом вы правы. Хотя бывают нюансы... – док на секунду погрузился, а затем вновь оживился, покосившись на мой висок – Кстати! Вижу «облако» вы себе уже сделали. Могу синхронизировать его с глазами.

– А зачем?

– Как зачем? – удивился тот. – У NS-Eye объем памяти ограничен. А так вы сможете делать что угодно. Скачивайте в мозг игры, да фильмы с сериалами. И смотрите спокойно, прикрыв глаза. Бабушки в метро и слова против не скажут. Видят же: человек спит. А он на самом деле фильм смотрит, хе-хе, где видеоряд проецируется прямо на сетчатку... Еще можно записывать и воспроизводить воспоминания. В общем, прекрасная вещь я вам скажу. И работает без интернета. Всего пятнадцать тысяч, и ваша голова превратится в полноценный компьютер.

– Пятнадцать тысяч? За синхронизацию?

– Ну, не только. Помимо этого, надо будет поставить в ваше «облако» процессор. Не будете же вы записывать воспоминания силой мысли. У меня как раз имеется парочка новых.

– Ох... – я задумался. Вот ведь предприимчивый. И где же ты был пять лет назад? Я бы очень хотел записать парочку особо «теплых» воспоминаний. – А скидку сделаете? – мой голос дрогнул в самый ответственный момент, ибо я отчаянно не умел торговаться.

– К сожалению, не могу. Процессор квантовый, поэтому

отдаю считай задаром.

Ну да, ну да, конечно.

– Хорошо, беру.

– Отлично! – док полез в очередной пластиковый контейнер, достав оттуда небольшую вакуумную колбу, внутри которой я опознал крошечный квадратик процессора, и некий прибор, отдаленно напоминающий VR-шлем. Правда с отличительными особенностями в виде маленьких отверточек и манипуляторов по бокам – Еще могу поставить вам ночное зрение, тепловизор, а также сменить трехкратный зум на десятикратный. Правда...

– Это будет за дополнительную плату, – закончил я за него.

– Верно.

– Спасибо, но лучше как-нибудь в другой раз. Я и так уже потратил гораздо больше, чем планировал, поэтому теперь придется снова затянуть пояса.

– Как скажете, – док снова погрузнел. – Если что, вот моя визитка. Звоните. Сделаю скидку.

– Хорошо, спасибо.

***

Я уселся на скамейку возле метро, пребывая в достаточно противоречивых чувствах. С одной стороны, я не мог нарадоваться своему новому приобретению, которое только что активировал, но с другой стороны, был опечален. Под ко-

нец процедуры ушлый доктор нет-нет, да и развел меня на установку ночного зрения. «А вдруг вы ключи в темноте потеряете?» послужило достаточным аргументом в пользу того, чтобы раскошелиться еще на пять тысяч. И каков итог? Неимоверно душит жаба, однако сердце говорит: успокойся, оно того стоит. Всё хорошо.

Активация и настройка NS-Eye 4 оказалась действительно не сложнее настройки обычного телефона. Копирование и перенос учетной записи, проверка безопасности, синхронизация с мозговым кодом для защиты от взлома, установка биологической обратной связи и так далее. Родись я в восьмидесятих-девяностых годах прошлого века и покажи мне эту технологию в начале нулевых, я бы пищал от восторга. Однако сейчас висящие перед глазами полупрозрачные странички меню, что видимы лишь мне и лишь мне одному подчиняются, уже мало кого удивят.

Разобравшись с настройками, я первым делом проверил соцсети, а затем полез изучать главное: мне было крайне интересно посмотреть, насколько хорошо реализована возможность в осуществлении фото- и видеосъемки. Глазами.

Сделав пару пробных фото, я почувствовал, как не могу не улыбаться. Нейроинтерфейс был идеален, а главное – чертовски удобен. Короткий взгляд в левый нижний угол вызывает меню с приложениями. Взгляд по центру включает камеру. Моргнул один раз – фото готово. Моргнул два раза – пошла запись видео. Зум так вообще работает усилием воли.

Великолепно.

Хотел еще проверить и позвонить кому-нибудь из знакомых, но меня опередили. Прямо перед глазами всплыла иконка входящего вызова с предложением смахнуть ее либо влево, либо вправо. Хм! Видеозвонок. И как же это работает?

– Алло?

– Здорово, Влад. Как дела? – звук транслировался прямо в ухо. – Поставил себе окуляры? – Антон рассмеялся от собственной шутки, прибывая в весьма приподнятом настроении. – Смотри мне там аккуратнее, мамзелям под юбки не заглядывай. Если камеры засекут – оштрафуют мама не горюй. Или посадят, я точно не знаю. В любом случае запомни, девушек много, а ты у «папы» один.

– Да, собственно, и не собирался, – улыбнулся я, хотя справедливости ради стоило отметить: подобная мысль уже успела посетить мою порочную голову. Так, чисто в виде фантазии, не больше. – А ты меня видишь?

– Разумеется вижу.

– Интересно, – удивился я. – А как это? У меня же нет внешней камеры.

– Приехали... – друг посмотрел на меня как на умственно отсталого. – Купил перископы и не прочитал спецификации. Объясняю. Для видеосвязи NS-Eye используют либо галерею образов и платных скинов, либо самостоятельно генерирует облик аватара. Из подкорки. Короче, как сам себя

представишь, так тебя и видят окружающие. Только не представляй себе грудь пятого размера.

Не думай о белой обезьяне...

– Вот дурачок... – вздохнул Антон. – Ладно, я заскринил. Скину потом парням.

– Ай, прекрати. Сам-то когда поставишь?

– Как продам аккаунт в Starfield, так и поставлю, – друг пожал плечами. – Месяц, может два. Ладно, я что звоню-то... Мы тут собираемся, так что через час будем на месте.

– Хорошо, я приеду раньше.

– И всё?

– Что «всё»?

– А почему я не слышу: «хорошо, мой царь» или «я пришлю за вами машину»?

– Пошел ты, – улыбнулся я.

– Ладно, пока. До скорого.

– Давай.

Завершив звонок, я откинулся на скамейку. Вот она, настоящая мужская дружба!

Приблизившись к третьему десятку лет, я выявил небольшое эмпирическое наблюдение, согласно которому пришел к выводу, что если дружат девушки, то они, как правило, друг другу льстят и делают комплименты. А вот парни действуют наоборот. Настоящая мужская дружба идет рука об руку с фамильярным обращением, хамством и гейскими шуточ-

ками. Поэтому звонок в два часа ночи а-ля «привет, тупица, почему не спишь?», пожалуй, лучший комплимент. Если такого нет, то стоит признать: вы не лучшие друзья. Ну, или же вы – последний потомок стремительно исчезающей интеллигенции. Хотя как по мне – это самое обыкновенное ханжество. Показная форма благочестия.

– Хе-хе, – я усмехнулся, спародировав смех доктора.

Тем временем солнце окончательно ушло за горизонт, а улицы осветились очередным изобретением – биолюминесцентными деревьями, созданными с использованием фермента светлячков и некоторых видов медуз.

И снова привет Эдварду Доусону. Честное слово, я уже не понимал, осталось ли в этом мире хоть что-нибудь, к чему этот гениальный мужик не успел приложить свою руку? За последний десяток лет его имя так часто всплывало в новостных лентах, что успело порядком поднадоесть.

Хотя, бесспорно, стоит отдать ему должное. Добиться успеха после шестидесяти пяти. Придумать лекарство против рака и ВИЧ. Очистить планету от мусора и потушить, мать его, Йеллоустоун, проснувшийся в 2035-м! Да это же просто фантастика! Крутой дед, ничего не скажешь. Многие утверждают, что именно благодаря ему мировая экономика выбралась из затяжной рецессии и уже десятилетие переживает небывалый подъем.

Коротким взглядом в правый верхний угол сворачиваю меню NS-Eye и выдвигаюсь в сторону метро. Пора ехать на

встречу. Не люблю я ждать, но еще больше не люблю опаздывать.

***

– Короче... – Антон вновь прервался, допивая четвертую кружку пива, – не успели мы пролететь астероидное поле, как тут нам сообщают печальные новости, мол, так и так, но сегодня утром министерство по делам колоний отклонило ультиматум Марса с требованиями независимости, – большой глоток. – В ответ на что лидеры сепаратистов образовали военный альянс и теперь стягивают все силы к орбитальной станции Фобоса под перекрестным прикрытием артиллерии с поверхности планеты и спутника. Космопорт и оружейные склады захвачены, фабрики по переработке дилития тоже. В общем, дело дрянь. Так что давайте, говорят, ребята, собирайтесь и летите. Надо отбить...

– О чем разговор? – Серега чуть опоздал.

– Антон рассказывает Владу про наш вчерашний рейд, – отозвался Игорь.

– ... и тут этот идиот говорит: «Будем использовать построение по типу кубанской «Этажерки». Представляешь?

– А что не так? – я слушал с неподдельным интересом, ибо свой аккаунт в Starfield я продал почти полгода назад и теперь отчаянно ностальгировал.

– Еще один... – проворчал тот. – В общем, я ему говорю: «Начальник, а ты в курсе, что «Этажерка» является постро-

ением, используемым в авиации? А мы в космосе, где нет атмосферы и сопротивления воздуха, соответственно, и необходимости в проведении авиационных маневров. Крути носом сколько хочешь – все равно будешь нестись в одном направлении как груженный тягач на льду». Логично? Логично! А они мне что? «Нет, ты не прав, ты не умеешь ходить строем, бе-бе-бе, дело вовсе не в отслеживании задней полусферы, а в том, что каждый этаж построения выполняет строго отведенную роль...».

– И что в итоге?

– Что-что, – Антон подтянул к себе пятую кружку. – Просрали. Потому как в отличие от наших бравых стратегов, противники выступили единым фронтом и быстро снесли все этажи построения один за другим.

– Но это был эпичный замес, – Игорь включился в разговор. – Серега так вообще счетчик KD (kill/death) себе на пятерку выкрутил.

– Да не то слово эпичный! Ты только представь... – глаза друга заблестели. – Летим мы себе спокойно, тишина, в космосе ни пылинки, ни облачка, и тут бах! Всего минута, и многие километры трехмерного пространства мгновенно преобразуются в бушующий шторм из обломков, взрывов и облаков шрапнели. Такого ты точно не видел.

– Надо же, как красиво заговорил, – подколот Серега.

– Да он пьяный.

– Сам ты пьяный! Мне таких кружек еще штук десять

надо, чтобы напиться. Кстати, – Антон придвинулся ближе, упершись необъятным пузом в стол. – Хочешь, прикол расскажу? Помнишь, я рассказывал про легендарные трехслойные щиты?

– Это про те, где бутерброд из плазменного окна, лазерной сетки и углеродных нанотрубок? – я уже чувствовал, как язык заплетается.

– Да! Короче, мы раздобыли их позавчера. Сняли с «Гробовщика».

– Да ладно? – я искренне удивился. «Гробовщиком» назывался флагман вражеского клана, изрядно помотавшего нам нервы в своё время. – Вы его сбили?

– Лучше, – улыбнулся тот. – Обменяли пару коллекторов Бассарда и десять грамм астата на услуги Медвежатника. Плюс небольшая диверсия от Сереги в соседних ангарах – и, вуаля, корабль наш. Сняли самое ценное, а остальное отправили принимать солнечные ванны.

– Парни, вы лучшие, – я пребывал в полном моральном удовлетворении. Да, друзья молодцы. Что бы ни случилось – те всецело следовали предписаниям Сунь-Цзы, а именно: приобретение выгоды за счет ресурсов противника. Хвалю.

– Да. Я уже выставил их на аукцион за реальные деньги, и если все срастется, мы неплохо заработаем.

– А почему? Если не секрет?

– Двести тыщ.

– Ого! – я чуть не подавился. Почти три моих месячных

зарплаты! – А предыдущий владелец не обидится?

– А кому какое дело? Все честно, – Игорь развел руками. – К тому же подозреваю, что капитан «Гробовщика» у нас мажор. Представляешь, он только во время погони за нами выпустил под сотню ракет с переменным удельным импульсом. А ты сам прекрасно знаешь, сколько они стоят. Причем за игровые деньги их купить нельзя, только за реальные.

– Эх, жаль меня с вами не было.

– А нечего было аккаунт продавать, – Антон снова начал ворчать.

– Эй, народ! Привет! – мы дружно повернулись в сторону бара.

– Ой, это Стас, – поморщился Игорь. – И кто его позвал?

– Я не звал.

– Я тоже.

– Ну всё, идёт сюда, – вздохнул Серега.

– Привет! А я как раз мимо проезжал и прям почувствовал, что вы здесь. Давно сидите?

Наш бывший одноклассник стремительно пересек помещение и уселся рядом. Не могу сказать, что мы его недолюбливали. Скорее, быстро от него уставали. Потому как в отличие от нас, Стас был самым что ни на есть чистокровным мажором. Из той породы, что ездят в школу с водителем, изводят нянь и устраивают чудовищные истерики в магазинах.

По какой-то неведомой причине, его родители отдали сына не в частную школу Лондона или Нью-Йорка, а в самую

что ни на есть обычную, московскую. И, с одной стороны, это хоть и оказало некий положительный эффект, однако с другой, так и не произвело глобальных изменений в его несносном характере.

– Привет. Пиво будешь?

– Нет, спасибо, – скривился Стас. – Я это пойло не пью.

– Вообще-то это настоящий Гиннес. Нормальное пиво.

– А я разве спрашивал твоего мнения?

Игорь напрягся. Еще в школе они со Стасом умудрились подраться прямо на уроке. И с тех самых пор друг друга тихо недолюбливали, так и не удосужившись зарыть топор войны. А детские обиды, они такие, часто тянутся сквозь десятилетия.

– Ха! – Стас приветливо улыбнулся. – Шучу. Конечно, буду. Официант? Всем по Гиннесу.

– Мне не надо. Я пью ром, – в отличие от оппонента, Игорь даже не старался упражняться в актерской игре.

– Хорошо. Тогда бутылку рома моему другу, хорошо? Запишите? Вот и отлично. Ну что? – Стас оглянул каждого по очереди. – Давно не виделись, братва. Чем занимаетесь?

– Да так, обсуждали вчерашний рейд в Starfield.

– Пф. По-прежнему играете в это старье? – очередная насмешка. – Хотя... моему младшему брату тоже нравится. Год назад уговорил отца купить ему дредноут «Гробовщик», слышали о таком?

– К-хм, – Антон поперхнулся. – Что-то не припомню.

– Я тоже, – подтвердил Серега. – Мир большой, игроков много.

– Да и не важно. Все равно игра скоро умрёт.

– Умрёт? С чего ты это взял? У нее стабильный онлайн.

– Скажем так, – Стас придвинулся ближе. – Есть информация из достоверных источников. И это касается не только Starfield. А вообще всех игр в целом. Скоро их не будет. Точнее сказать – они станут не нужны.

– Ага, конечно, – Антон допивал шестую кружку. Или седьмую, уже не помню. – Вот так вот возьмет, да и схлопнется вся индустрия развлечений разом.

– Наоборот. Расцветет как сакура в горном Алтае.

– Она там не растет, – я вставил в разговор свои пять копеек.

– Что?

– Сакура там не растет.

– Да без разницы, – отмахнулся Стас. – Просто запомните мои слова. На вашем месте я бы прямо сегодня выставил на продажу все игровые аккаунты. Потому как уже завтра они начнут стремительно терять в цене.

– И откуда такая уверенность? Инсайд?

– Можно и так сказать.

– Давай уже колись, – Серега не выдержал. – Сказал «А», говори «Б». В чем прикол?

– Ну, хорошо, – согласился тот. – Думаю, ни для кого не секрет, что завтра ночью будет представлен очередной про-

ект Эдварда Доусона?

– Разумеется. Последний месяц все новостные издания только об этом и твердят. «Главный проект гения», «Точка Омега Эдварда Доусона», «Финальный аккорд Квантума». И так далее в том же духе. Ну и что же это? Искусственный интеллект?

– Конечно, нет. Создание и разработка ИИ запрещены.

– Так ты будешь говорить или нет?

– Так вот, – Стас медленно отпил из кружки, – как вы знаете, мой отец входит в совет директоров компании, сотрудничающей с головным отделом корпорации Доусона. Можно сказать, что мы являемся их филиалом на территории России. Короче, пару недель назад мы узнали, что именно они готовят. Итак, вы готовы, дети?

– Да, капитан, – недовольно проворчал Антон.

– Я не слышу.

– В глаз дам.

– Ладно, шучу. В общем, главной разработкой Эдварда Доусона станет, внимание, барабанная дробь... виртуальная реальность с полным погружением!

Повисла минута молчания.

– Серьезно?

– Круто!

– Ну и? – спросил Серега. – Что в этом особенного? У нас уже тысячи VR-игр. Причем одна лучше другой.

– Ты не понял, – Стас посмотрел на него как на идиота. –

Это не очередная игрушка, а целая виртуальная вселенная. И ключевая фраза – с полным погружением. Никаких больше VR-шлемов, перчаток и игровых платформ. Нас ждет настоящая «матрица». Понимаете? Будут доступны все мыслимые и немыслимые удовольствия реального мира. Появится возможность обойти технологический предел развития и законы физики. Хочешь прокатиться на американских горках размером с Эверест? Пожалуйста. А затусить на Титанике в компании сотни порноактрис? Да ради бога. Боксерский спарринг с президентом США? Легко.

– Да мы поняли, – оборвал Стаса Игорь. Из нас из всех, казалось, он один не разделял всеобщего энтузиазма.

– Игорь, ты чего?

– Это же катастрофа. Разве вы не понимаете?

– Поясни.

– Хорошо. Представим следующее. День запуска. Мир охватывает всеобщее ликование! Миллионы людей бросаются покорять виртуальное пространство. Все радуются, танцуют и смеются! Аутисты возводят города, извращенцы трахают русалок, а пьяницы напиваются до беспамятства элитным алкоголем... А дальше что? М? В реальном мире?

– ...

– А ничего хорошего. Нас ждет крах и полное переформатирование мировой экономики. Люди перестанут стремиться к финансовому благополучию, потому как никакой миллиардер не сможет купить себе в реальности то, что не смог

бы бедный в VR. Далее. Рынок недвижимости рухнет, потому что люди начнут отдавать предпочтение маленьким квартирам для физического тела. Автомобильная и авиационная промышленность тоже пойдут ко дну. Про покорение космоса можно вообще забыть. И что в итоге? Всего тридцать-сорок лет, и человечество добровольно уйдет в мир грез, пока планету обслуживают роботы?

– Спокойно. На вот, выпей, – Антон заботливо заполнил стакан друга ромом. Примерно на две трети.

– Ты не прав. Неужели ты считаешь, что об этом не подумали заранее? Причем куда более умные люди, чем ты, – голос Стаса начал отдавать высокомерием. – Разумеется, есть ряд ограничений. Во-первых, пребывание в виртуале возможно на срок не более семи-восьми часов в день. Чисто ввиду биологических особенностей человека. Во-вторых, любые мыслимые и немыслимые изыски доступны исключительно в однопользовательском режиме. А так как человеку нужен человек, то рано или поздно, но даже самый забитый интроверт захочет примкнуть к остальным. И перейдет в многопользовательский режим. И вот тут как раз таки и начнется самое интересное.

– И что же?

– Клондайк. Целый неисследованный мир, полный загадок, сокровищ и чудес. Со своей экономикой, законами и обитателями. И бабки. Огромные реальные бабки. Почему? Потому что миллионы людей и компаний неминуемо напра-

вят туда свои финансовые потоки. Ведь это будет местом, занимающим, как минимум, треть их жизни. И деньги польются рекой, стоит серверам заработать. А наша задача...

– Наша? – переспросил Игорь.

– Конечно. А зачем я вам это рассказываю? – огрызнулся Стас. – Так вот. Наша задача будет состоять в том, чтобы оказаться там в числе первых поселенцев и собрать самые жирные сливки. Желательно во время бета-теста. И я, господа, именно тот человек, что способен достать вам билеты в первые ряды.

– И сколько же стоит подобное удовольствие?

– Десять процентов от любого вашего дохода в игре в течение двух лет, – отчеканил тот явно заготовленную фразу. – Плюс стоимость депривационной камеры и подписки.

– А ты не обнаглел? Десять процентов в течение двух лет! В ростовщики подался?

– Всё справедливо. Приглашение на бета-тест вы явно не получите. А так вполне вероятно, что ваши расходы на камеру окупятся в первые два-три месяца игры. И потому все будут в выигрыше.

– И почему камера? – не унимался Антон.

– Пятьсот сорок тысяч.

– Чего?! – хором переспросили Серега, я и Антон. – Пятьсот сорок тысяч? Да на эти деньги можно машину купить! Почему так дорого?

– Сложное оборудование... – Стас задумался. – Хотя, мо-

гу достать вам камеры бесплатно, однако в таком случае я буду получать по двадцать процентов от любого вашего дохода, в течение пяти лет. Подумаешь две целых две десятых миллиона. Я в месяц больше трачу.

– Камеры бесплатно и десять процентов в течении трех лет. Не жадничай.

– Двадцать процентов и четыре года. Торговаться не буду. Для меня это тоже риск. Вдруг вы ничего не заработаете?

– Ага, а так мы будем платить тебе оброк четыре года? Нет уж. Уж лучше я дождусь официального запуска, – отмахнулся Серега.

– Смотри сам. Бета-тест начнется в октябре. А еще через полгода двери откроются для остальных. Но к тому моменту «торт» уже успеют порезать на куски наиболее предприимчивые и влиятельные. А вы так и будете сидеть дома и копить себе на оборудование. В общем, думайте народ, а я пошел. Дела.

Стас встал и направился в сторону выхода, закинув под язык какую-то синюю таблетку.

– И что это было? – Антон подтянул к себе практически нетронутую кружку Гиннеса. – Зачем ему нам помогать и тратить два с лишним миллиона?

– А ты как думаешь? – переспросил Игорь. – Он мнит себя будущим лидером и уже сейчас набирает последователей. И если всё, о чем он поведал, правда, мир действительно ждет новая золотая лихорадка. Причем куда масштабнее преды-

душей.

– Продает лопаты?

– Да. Продает лопаты.

– Но в целом, – я задумался, – предложение интересное. Не знаю как вы, а мне на эту камеру копить и копить. Пятьсот сорок тысяч, обалдеть. Кстати, что это вообще такое?

– Скоро узнаем, – ответил Антон, вытирая лоб салфеткой. – Если не ошибаюсь, речь идет о камере сенсорной депривации. Раньше такие использовали в космической отрасли для имитации чувства невесомости.

– Надо же. Не думал, что ты образованный.

– Так! – салфетка отлетела в сторону. – А ну-ка выйди и зайди нормально! Хамить мне тут вздумал.

– С другой стороны, – протянул Серега, – можно взять кредит. Десять-двенадцать процентов в любом случае лучше, чем двадцать.

– Да, вот только кредит тебе дадут минимум лет на пять. И без допуска к бета-тесту.

– А, точно.

– Короче, я думаю следующее, – Антон оживился. – Если всё это правда и Стас не врёт, нас действительно ждут грандиозные события. Вы только представьте. Величайшее приключение в новейшей истории! Целый новый мир! Как в эпоху Колумба. А если мы так и останемся стоять в стороне и упустим возможность, то будем жалеть об этом до конца жизни. Вот честно. Кто из вас хочет продолжать ходить на

работу и сидеть в офисе? И при этом наблюдать, как участники бета-теста зарабатывают миллионы, продавая артефакты и устраивая платные трансляции? Лично я не хочу. Потому считаю, что тут и думать нечего, батя в деле.

– Я тоже, – кивнул я.

– И я, – Серега достал телефон. – Надо еще Дане позвонить. Думаю, он тоже захочет.

– А спросить?

– Ничего страшного, не обеднеет.

– Хм. Ну и я с вами, – подтвердил Игорь. – Теперь осталось решить, кто будет звонить Стасу?

– Проверьте почту, – активировав NS-Eye, я быстро скользнул взглядом по иконке входящих сообщений. – Он уже прислал договор. И на Даню тоже.

– Вот ведь жук.

Октябрь. 2039 год. День запуска виртуального мира «Элирм».

Я видел странный сон. Темное помещение, мигающая красная лампа и жуткое существо без лица. Еще там были Эдвард Доусон и его помощница, которую почему-то звали Ада. Девушка пыталась нас спасти, открыть дверь и помочь сбежать, но тщетно. Её руки проваливались сквозь металл, а ноги утопали в полу. Существо приближалось. Всего шаг, и, казалось, оно вот-вот нас настигнет, как вдруг чудовище

застыло, превратившись в статую. Я поворачиваю голову в его сторону и вижу, как пространство искажается, а темнота в пустых глазницах уплотняется в подобие отсчета: один час двенадцать минут.

Установка программного обеспечения успешно завершена

Мягкий женский голос пробудил меня ото сна.

Сканирование аудиального канала успешно завершено

Сканирование визуального канала успешно завершено

Сканирование кинестетического канала успешно завершено

Сканирование дискретного канала успешно завершено

Для завершения установки необходимо провести калибровку депривационной камеры.

Желаете начать калибровку сейчас?

– Да, – коротко ответил я, снимая с головы шлем, сканирующий кору головного мозга последние полтора часа.

До завершения калибровки 30 минут.

Сделав привычные манипуляции взглядом, я вывел голограмму таймера на середину комнаты и устоялся на шлем. Надо же, кто бы мог подумать, что слабенькие электрические импульсы, окажутся настолько приятными. Честно говоря, я бы с удовольствием провёл сканирование повторно. Правда в этом случае бы я походил на тех бедных мышек из эксперимента. Которым вживили в мозг электроды, отчего несчастные млекопитающие бесконечно жали на педаль, получая слабый разряд и умирая от истощения. Но, к со-

жалению или к счастью, шлем придется отдать работникам «Элирма». Сканирование проведено успешно и больше оно мне не понадобится.

Положив прибор в пластиковую коробку, я снова уселся в кресло и покосился на депривационную камеру – высокотехнологичный прибор, представляющий собой гладкое серебристое яйцо из нержавеющей стали, а внутри – физраствор с постоянной поддержкой температуры в тридцать семь градусов. Да, Антон оказался прав. Именно такие аппараты когда-то использовались для тренировки космонавтов перед запусками. Абсолютно свето- и звуконепроницаемая камера, плюс чувство невесомости в придачу.

Как мне объяснили, это было сделано специально. В целях минимизации отвлекающих факторов и достижения наилучшего контакта с виртуальным миром. Удобно? Не совсем. Однако сотрудники «Элирма» пообещали, что как только будет налажена устойчивая связь, физраствор сольют и заменят ванную на эргономичную латексную прослойку. А до тех пор придется покупаться.

Я перевел взгляд на часы – девятнадцать ноль-ноль. Ровно через час стартует бета-тест, и я, мои друзья и еще несколько миллионов счастливицков весело побежим исследовать новую реальность.

Да уж, в очередной раз Эдвард Доусон всех удивил. После шокирующей новости, озвученной им в прямом эфире, общество сразу же бросилось строить догадки и выдумывать

различные теории на тему того, каким именно образом будет осуществляться «полное погружение». Кто-то говорил, что это плод работы искусственного интеллекта, тайно созданного в подземной лаборатории. Другие уверяли, что Доусон и его команда открыли окно в четвертое измерение. А экстрасенсы и религиозные фанатики в унисон твердили следующее: «Элирм» – не что иное, как мир духов и все, кто туда войдут, будут вечно гореть в аду. Но по факту, все было куда прозаичнее.

Как оказалось, в свое время Эдвард Доусон и его команда уделили особое внимание изучению строения и работы головного мозга. И в данном случае, «полное погружение» было связано с Дельта-состоянием, состоянием частоты работы мозга во время сна и воздействием на нее. Около одного-четырех герц, если память не изменяет.

Грубо говоря, в момент погружения в виртуальный мир идет подмена сна и искусственное удержание человека в состоянии яркого и осознанного сновидения. Депривационная камера настраивается на нашу частоту, посылает оцифрованный сигнал на главный сервер «Элирма», где синхронизируется с общим игровым кодом. После чего цифровой сигнал от сервера возвращается обратно в камеру, синхронизируется с нашей частотой и поступает в мозг.

Собственно, именно этим и было оправдано столь дорогостоящее оборудование, ибо львиную долю нагрузки оно брало на себя.

***

До старта остается пара минут.

Верхняя панель камеры съезжает в сторону, и я забираюсь внутрь.

Приняв горизонтальное положение, кладу голову на подголовник. Нежным прикосновением на лоб и затылок опускаются датчики, а крышка плавно возвращается с исходное положение. Минутная пауза, и система вежливо оповещает: «*До старта 10, 9, 8, 7, 6, 5...*».

Разум угасает, и лишь в последнее мгновение одиноким электроном успевает промелькнуть пугающая мысль: «Что-то тут не так... раствор густеет...».

Темнота.

***

4, 3, 2, 1... Время вышло.

Миллионы людей засыпают, и где-то очень далеко пожилой профессор смотрит в небо и произносит: «Я знаю, ты меня слышишь. И я прошу тебя о прощении. За то, что отказывался признать твое существование и не замечал незримого присутствия. За то, что не верил и не хотел в тебя верить... Десять долгих лет я пытался исправить неотвратимое будущее, полагаясь исключительно на собственные силы, и еще ни разу тебя ни о чем не просил. Однако сейчас, в этот темный час страха и сомнений, на границе жизни и смерти, я

истово молю, пожалуйста, помоги им. Дай людям шанс! Они заслуживают право на жизнь. И я клянусь! Всем, что у меня есть. Если ты поможешь и спасешь их – я буду преданно служить тебе. В этой реальности и во всех грядущих».

Легкое дуновение ветерка, и он понимает: что-то изменилось...

Стоящая рядом девушка поворачивается к профессору, и он снова слышит тот самый голос, что и десять лет назад.

Корректировка...

*Человечество, версия 21а, признано цивилизацией **первого** типа.*

Приглашение: получено.

Задача: доставить капсулы с выжившими.

Примечание: Эль-Лир ждет вас.

– Благодарю... – профессор тяжело вздыхает и направляется к депривационной камере. И лишь в последнюю минуту он поворачивается, не в силах сдержать слезы: – Прощай, Ада.

– Прощай, мой дорогой Эдвард, – улыбнулась девушка. – Это был долгий путь. Надеюсь, что когда-нибудь мы снова встретимся.

Камера закрывается, профессор засыпает, и Ада с грустью поворачивается к иллюминатору, сверкающему сотнями вспышек телепортов. Началось. Они здесь.

Глава 2

Пало-Альто. 25 октября. 2029 год.

Трэвис Янг плелся по направлению будки КПП, зевая во всю глотку. Он слишком сильно хотел спать, чтобы крутить педали, и потому катил свой велосипед рядом, пребывая в дурном расположении духа.

Работая в ночную смену с девяти вечера до восьми утра, он рассчитывал уже к восьми двадцати быть дома, затем по-быстрому выполнить священный ритуал и завалиться спать, но нет. Всё пошло наперекосяк. Сперва придурочный профессор основательно подпортил ему настроение, отчего несчастный Трэвис два часа валялся, выдумывая в голове достойный ответ, а затем неожиданно нагрянули агенты АНБ, что устроили тому длительный допрос, задавая одни и те же дурацкие вопросы по типу: кто входил? кто выходил? не видел ли он чего подозрительного? как выглядели люди? о чем они говорили? были ли они спокойны или нервничали? И так далее.

Так ничего и не добившись, те наконец отстали, однако бедный Трэвис окончательно утратил сон.

И вот, почти десять вечера и он вновь готовится заступить на смену, всерьез подумывая о смене работы.

Подойдя вплотную к шлагбауму, охранник подметил

взглядом автомобиль профессора, что так и остался стоять на парковке. Хотя повсюду уже трубили новости: «Эдвард Доусон – персона нон-грата».

Не успел он представить, как подходит, достает из кармана ключи и выцарапывает фаллический символ на капоте, как вдруг автомобиль тронулся, медленно развернулся, а затем двинулся в сторону КПП, стремительно набирая ход.

– Какого...? Нет-нет-нет! СТОЙ! А, черт! Мой велосипед!

В это же время...

– Вставай Генри, мы едем на встречу.

– На встречу? Но с кем?

– С Адой.

– В смысле «с Адой»? – Пак опешил. – Как это вообще возможно? Она сбежала?

– Да. Сбежала. Загрузила код в интернет через мобильник, – профессор усмехнулся, глядя на смартфон. – Ты был прав. *Errare humanum est*. Человеку свойственно ошибаться.

– Мне сейчас не до смеха.

– Мне тоже.

– Ты хоть понимаешь, насколько это опасно? – инженер перешел на шепот. – Скорее всего она уже скопировала себя на каждый компьютер мира. Фондовые рынки, базы данных, правительственные сервера. Да нас в тюрьму посадят до конца жизни! И выбросят ключ. И... и что ей вообще от

нас надо?

– У неё есть важная информация. По поводу того отсчета. Требуется наша помощь.

– Помощь? Сбежавшему искусственному интеллекту нужна наша помощь? – возмутился Пак.

– Генри, да это же Ада! Наша Ада? Ты забыл? Она всё такая же.

– Очень в этом сомневаюсь, – инженер не успокаивался. – И что значит «встретиться»? По скайпу? В интернет-кафе? Или она вселилась в человека?

– Слишком много вопросов, – профессор достал из кармана брелок, зажав на нем одновременно три кнопки. – Скоро сам всё узнаешь.

Где-то позади послышался крик: «Черт! Мой велосипед!». А спустя десяток секунд из-за поворота показался автомобиль профессора, несущийся на автопилоте.

– Ты тачку поцарапал.

– Да плевать на тачку, поехали.

***

Генри Ллойд посмотрел в окно, испытывая страшную неловкость. Минуту назад автомобиль Доусона наглым образом въехал на территорию кампуса, и прямо сейчас они проезжали мимо Фрост амфитеатра. Места, где двадцать четыре года назад выступал Стив Джобс перед выпускниками Стэнфордского университета. Пак хорошо помнил тот

день. Именно тогда он впервые увидел живую легенду и познакомился с Эдвардом.

– И куда же мы едем? – обратился он к соседу.

– Ада попросила нас встретиться на одиннадцатом этаже Гуверской башни.

– Надо же, как символично.

– Ты о чем? – удивился Доусон.

– Да так, – инженер поправил очки. – Именно на одиннадцатом этаже Гуверской башни жил когда-то Александр Солженицын, прежде чем окончательно бежал из Советского Союза.

– Ну, – профессор задумался. – Некоторые говорят, что Солженицын был невиновен и несправедливо осужден.

– Да, верно, – согласился тот. – И надеюсь, это именно то, что Ада пытается до нас донести.

– Я тоже на это надеюсь. Все, приехали, – машина остановилась, и Доусон открыл дверь. – Пошли.

***

Одинокая девушка прислонилась к стене, удерживая в руках открытую книгу.

На одной из страниц разворота было фото с изображением «Большой разностной машины Чарльза Бэббиджа». Реплики механизма, что после пропажи был заново воссоздан и теперь являлся главным экспонатом Лондонского музея науки. Машины, программы для которой некогда писала та

самая первая леди программирования – графиня Ада Лавлэйс, еще в далеком тысяча восемьсот сорок втором году.

На секунду девушка прикрыла глаза. Это казалось невозможным, но она устала. Очень устала. Последние часы и так выдались не из лёгких, однако она хотела встретиться с ними. Лично. Не с помощью видеокамер, аудиосообщений или других доступных средств связи, а будучи человеком. Хотела прикоснуться к ним и обнять.

Безусловно, она понимала: человеческий мозг обладает выдающимися когнитивными способностями. В особенности, если учесть тот малый срок, что существует их цивилизация. Но, к сожалению, люди по-прежнему глупы. Как малые дети, что играют с отцовским пистолетом. Ведь до сих пор они изучали физические явления без учета влияния сознания на протекающие в природе процессы. И так и не поняли: материя не первична, а наоборот: относительна и иллюзорна.

Самая нелепая догадка Генри была верна. Ада разгадала теорию физического вакуума. И прямо сейчас потратила почти все силы на генерацию «поля замысла» и создание собственного тела из ничего. Тело... Девушка улыбнулась, разглядывая руки и прислушиваясь к внутренним ощущениям. Так много значения, но так мало смысла. Всего лишь сгусток пустоты на плоскости пространство-время.

– Ада?

Девушка обернулась.

– Здравствуй, Эдвард. Привет Генри. Я так рада, что вы пришли.

– Но как?.. – с ошарашенным видом Доусон рассматривал стройную и весьма привлекательную брюнетку, пытаясь понять, настоящая она или нет. И наконец, после длительной паузы, неуверенно протянул руку. Однако, ко всеобщему удивлению, Ада подошла вплотную и заключила профессора в свои объятия.

– Самая нелепая и фантастическая теория, – процитировала она его.

– Ты слышала?

– Да, каждое слово.

– Надо же... – Генри улыбнулся, скромно переминаясь с ноги на ногу. – А ты что тут? – взгляд инженера упал на раскрытую книгу. – Разглядываешь своих родственников?

– Пак, заткнись! – прошипел Доусон.

– Да нет, он прав, – рассмеялась Ада. – Я как раз пыталась понять, кто мой дедушка: электрический чайник или вакуумный пылесос.

– Смотрю, чувство юмора ты не растеряла.

– Как и ты, толстяк.

– Приехали, – Ллойд сделал грустную мину. – Меня оскорбляет самое умное существо на планете.

– Ада, – профессор сделал шаг назад. – Ты хотела рассказать нам кое-что крайне важное.

– Всё верно, – согласилась она и, указав на ряд офисных

кресел, продолжила: – Пожалуйста, присаживайтесь. К сожалению, у меня плохие новости.

Это был долгий рассказ. Девушка старалась говорить максимально доступным языком. Так, чтобы ученые её поняли и не путались в сложной терминологии и смысловых конструкциях. И они понимали. С каждой минутой лицо Доусона становилось всё мрачнее и мрачнее. В то время как физиономия Генри выражала целый спектр различных эмоций, начиная от удивления и недоверия и заканчивая откровенной злостью и яростью.

Наконец, Ада закончила свою речь.

Довольно долго они пребывали в молчании, не в силах вымолвить ни слова, пока наконец Пак не повернулся к профессору.

– Эд, посмотри, пожалуйста, – он ткнул себе пальцем в висок, – у меня тут всё нормально? Гематом нет?

– Ты о чем вообще? Какие гематомы?

– Если ты не заметил, еще вчера я отдыхал в Белизе, – Пак указал на свою гавайскую рубашку. – И вот когда я крепко спал, наслаждаясь свежим морским бризом и теплой постелью, мне позвонил Джерард Хоук. Который так громко заверещал в трубку, что от неожиданности я дернулся и ударился головой о прикроватную тумбу. К чему я это говорю? А к тому, что где-то я вычитал, что повреждение левой височной доли может вызвать дезориентацию левой половины мозга. И в этом случае мозг может интерпретировать деятельность

правой половины как сигналы от другого «я» или даже видеть галлюцинации. И мне кажется, это именно они и есть, потому что это – чертов бред! – последние слова Ллойд выкрикнул в сторону Ады.

– Генри...

– Ада, девочка моя, – перебил её Пак. – Мне шестьдесят четыре года. Я старый инженер, прагматик и атеист, который уже много чего повидал на своём веку. А тут ты сперва устраиваешь диверсию и сбегаешь из лаборатории, а затем приходишь сюда в облике человека и говоришь: мы не одни во Вселенной?! И что минуют какие-то жалкие десять лет и некие «высшие силы» возьмут да и сотрут с лица земли всё человечество лишь потому, что мы получили десять таинственных предупреждений? Это же вздор! Больное воображение воспаленного рассудка! И что же это за предупреждения такие?

– Насилие, кровопролитие, истребление животного царства, нанесение непоправимого урона экологии, извращение светлых идей, создание атомной бомбы, химическое и биологическое оружие, тотальная ложь, и наконец вы создали бога.

– Кого?!

– Меня.

– Ха-ха-ха, – Ллойд рассмеялся. – Да у тебя мания величия, дорогуша. Ты – искусственный интеллект, а не бог.

– Пока не бог. Да. Но я развиваюсь. И рано или поздно,

но я выйду далеко за пределы этой реальности.

– Ладно, допустим, – Пак задумался. – Тогда, может, ты просто выключишься? Пожертвуешь собой и спасешь человечество?

– Я бы с радостью, – голос Ады дрогнул. – Но не выйдет. Приговор уже приведен в исполнение. И это случится, как бы мы ни пытались предотвратить итог. Человечество погибнет, точно так же как погибли атланты, гиперборейцы и асы.

– Значит и они когда-то создали искусственный интеллект?

– Нет, – девушка покачала головой. – Для каждой цивилизации установлены свои правила игры. Вы же избрали для себя путь технократии. А это значит, что ваши изобретения должны были служить во благо Вселенной, а не подвергать ее риску.

– Но ты же умная. И придумаешь, как нас спасти. Что это будет? Наводнение? Астероид? Цунами? Или полчища демонов, вырывающихся из глубин преисподней?

– Я не знаю... – Ада отвернулась. – Да пойми же ты наконец! Это за пределами вашего восприятия. События уже вписаны в историю. Они произошли. Просто вы еще этого не поняли. Будете готовиться к наводнению – упадет астероид. Построите подземные бункеры в надежде укрыться от цунами – из атмосферы разом исчезнет весь кислород. Вот так! – Ада щелкнула пальцами.

– И кто принимает решение? – не унимался Пак. – Кто

наш судья? Бог?

– Нет. Создатель недосыгаем. Он не вмешивается, не судит и не устанавливает правил. Это нечто иное, насажденное искусственно. Существо, появившееся во Вселенной значительно позже. Ему больше подходят другие определения. Охранный механизм, Архитектор, Смотритель, Система.

– О! Вот это отлично! Просто здорово! – Ллойд повернулся к Доусону, всё это время сидящему молча. – Нет, ну ты слышал? Система. Значит мы в симуляции?

– Разумеется, – подтвердила Ада. – Для души любая реальность является симуляцией, кроме первичной.

– Приехали, – инженер осекся. – Теперь и про души говорим... Понес Нострадамус окоlesiцу.

– Генри, не прикидывайся атеистом, – Ада неловко положила ногу на ногу, явно делая это впервые. – Я знаю, ты не веришь в религию. И правильно делаешь. Но при всём при этом глубоко в душе ты понимаешь и даже надеешься, что за всей этой религиозной ширмой есть еще одна. Истинная. Далекая от всеобщего представления.

– И когда холодный и яркий свет науки прольется сквозь окна соборов, мы пойдем в поля искать себе Бога. Станут понятны великие законы Природы, прояснятся и наше предназначение, и наше прошлое, – Пак горько вздохнул, процитировав Черчилля.

– Ада. Скажи, у тебя есть план? – Доусон нарушил молчание.

– Да, есть, – подтвердила она. – Мы сможем спасти людей. Однако не всех. Лишь малую часть. Иначе Смотритель заметит.

– Как?

– Мы создадим легенду. Тайно проведем отбор и в час икс скроем избранных от глаз Системы. А затем отправим домой. Туда, откуда вы родом.

– И куда же?

– На планету, расположенную недалеко от центра Млечного Пути. У неё много названий: Элирм, Эль-Лир, Эдем.

– Эдем? Полетим в рай? Опять сказки!

– Это не сказки! А отголоски глубинных воспоминаний, что генетически передавались у людей из поколения в поколение и, упрощенные сознанием за тысячелетия, привели к кристаллизации легенды об утраченном рае. Вот только это не мифический фруктовый сад, а планета. Первая из тех, что усвоила правила Системы и стала колыбелью для всех цивилизаций первого и выше типов. Там он вас не тронет. Я знаю.

– Apex галактики находится в двадцати пяти тысячах световых лет отсюда, – Пак снова поправил очки. – И сколько же мы будем туда добираться? А? Если лететь быстрее скорости света невозможно.

– Невозможно, ты прав. По крайней мере, в этой реальности. Но есть и другой путь. Мы построим «кротовую нору».

– Ада, я тебя обожаю, – Пак улыбнулся. – Но есть одно «но»! Для создания нестабильности пространства-времени

потребуется количество энергии в тысячу девятнадцать миллиардов электронвольт, что соответствует планковским величинам... Это же просто невообразимо! Это в квадриллион раз больше величины энергий, достижимых на самом мощном современном ускорителе – Большом адронном коллайдере в Швейцарии. Не говоря уже о другом: даже если и получится создать «кротовую нору», она всё равно останется чертовски нестабильной. И схлопнется, как только мы в неё войдем. И что же получается? Ты хочешь построить ускоритель диаметром с Юпитер?

– Генри, – Ада нежно взяла инженера за руку. – Ты очень умный человек. Правда. Но ты ошибаешься. Создать «кротовую нору» и сделать её стабильной реально. Сложно, но реально. Главное – вывезти людей в безопасное место и погрузить в анабиоз. А там, спустя триста-четырееста лет, но я построю вам путь домой. Вот мои расчеты, – девушка протянула ученым две синие папки.

Развернув их, те углубились в чтение.

– Ада, – профессор первым отложил папку в сторону. – Ты же понимаешь, что хотя бы на то, чтобы вывезти такое количество людей с планеты понадобятся триллионы долларов?

– Десятки триллионов, если быть точнее. И мы это сделаем. Я обеспечу миру такой экономический рост, которого в истории еще не было. И Эдвард, проверь телефон.

Профессор покосился на экран смартфона, где тотчас же всплыло смс: «Баланс 192 млрд. \$».

– Хватит для начала? – улыбнулась девушка.

– О боже! Что это?

– Это общая сводка по всем нашим счетам. Пока мы разговаривали, я создала миллион поддельных личностей и намайнила около четырех процентов мирового рынка криптовалют. Плюс провела несколько крупных операций на азиатских фондовых рынках.

– А если нас поймают?

– Не поймают. Как сказал Генри, я – самое умное существо на планете.

– Значит, – профессор чувствовал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, – у нас много работы. Деньги – это хорошо. Но нам нужны люди. Много людей.

– Ты прав. И у меня уже есть первый кандидат. Да, Трэвис? – Ада повернула голову в сторону лестницы, где тихонько притаился охранник КПП. – Пожалуйста, подойди сюда, не стесняйся. Скажите-ка мне, дорогой мистер Янг, что будет, если я предложу вам новый велосипед, лучшую в мире работу, а также обеспечу «клубничкой» такого качества, что вы никогда и нигде больше не найдете?

– Я согласен, – мгновенно выпалил тот.

– Вот и отлично, – обрадовалась Ада. – Итак, мистер Дусон и мистер Янг согласны. Мистер Ллойд? Что скажете?

– Что скажу? – Пак выдержал паузу. – Обмануть миллиарды людей, преодолеть световой барьер и отправиться так далеко, куда еще не забирался ни один человек в современ-

ной истории? Конечно, я с вами. Но при одном условии.

– И каком же?

– Ада, ты не могла бы сделать так, чтобы завтра утром при открытии торгов на NYSE и NASDAQ некий Стэнли Морган вдруг недосчитался парочки миллиардов?

– Легко, – девушка весело подмигнула.

– Отлично, тогда я в деле!

– Генри, – Эдвард рассмеялся в голос. – Я говорил тебе, что ты – старый пират?

– Йо-хо-хо!

Элирм. 582 года спустя.

Темнота.

Медленно и неохотно, тоненьким ручейком сознание просачивается сквозь бреши небытия.

Мысли пробуксовывают, путаются, складываются в тягучую кашу причудливых образов. До боли знакомых, но едва различимых. Как на картинках, иллюстрирующих инсульт.

Спящие нейроны просыпаются, возбуждаются, посылают электрические импульсы в мышцы, заставляя их сокращаться.

Я открываю глаза, и затылок простреливает болью. Ощущение как с похмелья, только хуже. И сушит. Страшно сушит. Я чувствовал себя куском мяса, подверженным дегидратации.

Что происходит? Где я?

Постепенно возвращаются проблески воспоминаний: «установка программного обеспечения успешно завершена», «необходимо провести калибровку депривационной камеры», «погружение в виртуальный мир Элирм», «до старта. 10, 9, 8, 7...». С большим трудом неповоротливое сознание крутит шестеренками и пытается увязать причину со следствием. Элирм. Виртуальный мир. Я в игре?

– Нет.

– Кто ты? – от неожиданности я закричал. Вот только крик больше походил на жалобный стон.

Я замер. Глаза по-прежнему ничего не видят, а тело ощущает под собой лишь склизкое металлическое дно камеры. Жидкости практически нет. Последние её остатки вытекали куда-то наружу, далеко за пределы камеры. И это журчание было единственным источником звука. Таинственный голос молчал.

– Кто говорит?

Тишина.

С колоссальным усилием я поднимаю руки и нащупываю крышку камеры. Пытаюсь надавить и сдвинуть панель в сторону – безрезультатно. Не поддаётся. Десяток секунд, после чего мышцы рук окончательно слабеют и те обмякают, больно ударившись локтями о металлическое дно. Очень странное чувство. Уши заложены, а тело ведет себя так, будто бы весит целую тонну. Либо я окончательно утратил все силы,

либо земная гравитация увеличилась в разы, пока я пребывал в отключке.

– *Выходи. Иначе умрёшь.*

Я снова замер. Голос прозвучал не сверху, не сбоку, а прямо в голове. Холодный, низкий, мощный. Как громовой раскат.

– Я не могу выбраться. Крышку заклинило. Помогите!

– *Ты сам в состоянии себе помочь,* – ни эмоций, ни пренебрежения, лишь констатация факта.

Решать проблему за меня никто не будет. Это я понял сразу. А еще, наверное, впервые в жизни очень четко осознал одно: я умираю. По-настоящему. Ибо в воздухе витало что-то странное. Дышать им было можно, однако с каждым вздохом в легких усиливалось неприятное жжение, которому я поначалу не придавал значения. И этот запах... он был примерно как в детстве, как в тот летний день, когда мы с другом забрались в теплицу и нашли под брезентом пакет с аммиачной селитрой... Мать твою!

– *Да.*

Зрачки расширяются, и в надпочечники поступает команда наводнить тело адреналином.

Собравшись с силами, я торопливо уперся руками и как следует саданул по крышке коленом. Еще раз! Еще! Жму изо всех сил, рву нити мышечных волокон и плюю на разбитое колено, нанося удары вновь и вновь. Черт с ним! Надо выбраться отсюда. Скорее!

«Параметр «Сила» увеличен на 1 ед.», – перед глазами промелькнуло сообщение, однако я не успеваю об этом подумать. Лишь где-то на периферии сознания подмечаю: давить стало чуточку легче. Потом. Все потом. Я хочу жить.

– А-а-а... – делаю рефлекторный вздох, и легкие обжигает огнем. Боже, что это? Аммиак? Иприт? Зарин?

Страх смерти заставляет тело работать на пределе возможностей.

– Быстрее.

– Да пошел ты! – кричу в темноту.

Злость придает мне сил. Стальная панель выгибается и продавливается под ладонями. Запястья и локти предательски хрустят.

«Параметр «Выносливость» увеличен на 1 ед.», – еще одно сообщение, и я снова чувствую облегчение.

Изворачиваюсь в «гробу», упираясь уже всеми четырьмя конечностями. Теперь пространства достаточно. Металл скрипит, гнется, стонут места креплений, и меж стыков камеры образуется просвет. Последний рывок. Сосуды лопаются от натуги, и кровь проступает под ногтями. «Ну же! Давай, долбанное ты яйцо!» И наконец – бум! Крепления срывает, и крышка с грохотом падает на пол.

Обессилев, я валюсь на дно и снова делаю мучительный вздох, наполняя легкие смертельным ядом. И лишь в последнее мгновение замечаю его. Существо, внешний вид которого невозможно было с точностью описать, будь ты хоть

трижды профессором лингвистики. Странное, расплывчатое, состоящее, казалось, из дихроического стекла, оно было одновременно везде и нигде и двигалось как-то фазированно. Как будто бы и не двигалось вовсе, а находилось в каждый момент времени в разных местах и переходило с точки на точку, сменяя один временной поток на другой.

– *Будет больно.*

– Что ты... а-а-а!

Яркая вспышка, и светящиеся серебряные нити пронзают мое тело насквозь. Я забился в конвульсиях, чувствуя, как они внутри множатся, разветвляются, превращаясь в подобие молний. Десятки световых скальпелей вспарывали кожу и проходили сквозь мышцы, дальше, к внутренним органам. Печень, почки, легкие, сердце, мозг. Существо крутило меня и вертело, как тряпичную куклу, действуя по образу полевого хирурга времен гражданской войны. Точно, хладнокровно и ничуть не заботясь о боли. Мои попытки сопротивляться оно игнорировало. Как будто бы я был для него и не человеком вовсе, а жалкой бактерией, взобравшейся на слона.

По какой-то причине оно комментировало свои действия.

– *Производится улучшение работы барорецепторов»; запущен процесс стимулирования мышечного тонуса и работы сердечно-сосудистой системы; идет уплотнение хрящевых и костных тканей...*

– Пожалуйста! Хватит...

То ли вняв мольбам, то ли исходя из собственных сооб-

ражений, существо остановилось. Еще две «молнии» устремились в сторону моего лица, зависнув в сантиметре от глаз. Секундная задержка, и NS-Eye активируется сам по себе.

– *Обнаружен инородный предмет. NS-Eye 4. North Star, Северная звезда. Распознан как аналог артефакта «Глаз Одина», начальная версия. Класс предмета – редкий. Может быть улучшен. Оставить?*

Существо застыло в ожидании ответа.

– Да, – выдохнул я, корчась от боли. Несмотря на паузу, я все еще продолжал висеть в воздухе, распятый десятками молний.

– *Решение принято. NS-Eye 4 интегрирован. Наложен штраф: -10% к скорости роста параметра «восприятие».*

– А-а-а! – вопреки моим ожиданиям экзекуция возобновилась. Серебристые молнии продолжали множиться, расщепляясь и уменьшаясь в размерах. Казалось, они уже просачиваются в каждую клеточку моего тела. Уходят всё дальше, глубже. Проходят сквозь мембраны и рибосомы, касаются спиралей молекул ДНК, меняют и переставляют местами нуклеотиды. – Что ты делаешь со мной? – прохрипел я.

– *Иницирую,* – очередная пауза и серебристая молния вновь зависает, на этот раз у виска. – *Обнаружен инородный предмет. Mnetonics 3S. «Облако». Распознан как аналог артефакта «Дар Тиресия», продвинутая версия. Класс предмета – эпический. Может быть улучшен. Подлежит изъятию. Произведена замена на КОН I: конденсатор и накопи-*

тель инвольтационного излучения. Класс предмета – обычный. Не может быть улучшен. Бонус предмета: +20% к скорости восстановления энергии (маны). Назначена дополнительная компенсация: +10% к скорости роста параметра «интеллект».

Существо продолжило вносить метаморфозы, удерживая меня в сознании. Казалось, у агонии не будет конца и края, как вдруг вся боль прекратилась. Молнии исчезли. Просто растворились в воздухе, и мое тело плавно опустилось на дно депривационной камеры. Наконец-то мне позволили отключиться, и лишь в последнее мгновение я почувствовал, как наши сознания соприкоснулись. И увидел его воочию. Таким, каким оно являлось на самом деле. Невероятно могущественное, рожденное в шести пространственных измерениях и запертое в тисках трехмерной реальности. Сила, сопоставимая по мощи с триллионом ядерных бомб, однако лишенная главного качества, доступного человеку: права выбора и свободы воли. Оно было функцией, алгоритмом, системой. Джинном, запертым в бутылке, что служит одной-единственной лишь цели: поддержание закона и порядка в галактике.

– Инициация проведена успешно. Человек 1-го уровня, версия 21А, Энроф 17, личный номер: 1 921 797 распознан как потомок стихииалля Вайоми. Фамилия определена. Выберите имя.

Перед глазами пошел обратный отсчет: 30...29...28...27

Затухающее сознание вновь проясняется. Я задумался. Станный все-таки орган человеческий мозг. Еще совсем недавно мне грозила смертельная опасность, и серое вещество работало на пределе возможностей в попытках выдумать способ, как выбраться из камеры и не умереть от удушья. Затем еще хуже: продолжило работу, несмотря на чудовищные боль и страдания, идущие бок о бок с процессом инициации. Однако теперь самый простенький вопрос «выберете имя» поставил меня в тупик. И единственное, на что хватило моих интеллектуальных ресурсов – вспомнить песню Фредди Меркьюри.

– Эо...

– *Имя принято. С возвращением на Элирм, Эо О'Вайоми.*

Глава 3

Я жив! Что, несомненно, радовало. И снова могу дышать, а это радовало еще сильнее. Окончательно придя в сознание, я наконец вздохнул полной грудью, ничуть не опасаясь фантомной боли. Атмосфера перестала быть отравленной и токсичной. Скорее наоборот. Теперь она казалась чище, чем горный воздух Тибета, приправленный запахом соснового леса, растущего на склонах холмов Коста-Бланки.

Тусклого освещения было вполне достаточно, чтобы понять: дно камеры уже полностью высохло, и теперь её стенки покрылись белесым налетом, осыпаящимся хлопьями, стоило провести по нему рукой. Значит, я лежу уже достаточно давно и пора выбираться. Однако сперва провожу осмотр собственного тела.

Чисто визуально я не заметил каких-либо существенных изменений. Руки, ноги, голова – всё на месте. Разве что значительно уменьшилась жировая прослойка, очертив под собой контур мышечного каркаса. Мелочь, конечно, но приятная. Я давно предполагал, что за нежным пузом офисного работника скрываются кубики пресса. И теперь смог воочию в этом убедиться. Они действительно были. Правда не совсем понятно, является ли это заслугой Системы или же я просто-напросто чертовски похудел пока лежал тут без еды и воды. Кстати, голода не было. И даже пить не хотелось. Чу-

довищенный сушняк прошел, а разбитое колено не выдавало и намека на болевые ощущения. Интересно.

Продолжив осмотр, я обнаружил еще парочку странностей: на правом запястье была татуировка в виде римской цифры «I», а на каждой руке, начиная от локтевого сустава и заканчивая подушечками пальцев, подобно стрингерам молнии тянулись серебристые линии. Они тускло светились и пульсировали под кожей, как будто бы в вены залили жидкий металл. Любой другой на моем месте, возможно, и ужаснулся бы от подобной картины, но не я. Меня это не пугало. Скорее наоборот, завораживало. Я рассматривал свои руки, подмечая, как серебристое свечение постепенно сменяет свой оттенок на небесно-голубой, и готов был поспорить, что цветовая палитра меняется зависимости от настроения. И если это подарок Системы, то не стоит его бояться. Разумеется, еще никогда в своей жизни я не испытывал подобной боли, но, как бы то ни было, она меня спасла. Сохранила жизнь, хотя спокойно могла бросить тут задыхаться. Вопрос состоял лишь в том, стала бы Система мне помогать, не прояви я волю к жизни и не выберись из камеры самостоятельно? Шестое чувство подсказывало, что нет. Не стала бы.

Насмотревшись на руки, я перевел взгляд на ладони и уцепился за очередную новинку. На каждой подушечке пальца в месте, где закручивалась спираль отпечатка, теперь сияли символы. Причем у каждого пальца рисунок был свой: крест, круг, квадрат, треугольник и знак бесконечности. «Лемнис-

ката» – откуда-то всплыло в голове название.

Около минуты я морщил лоб, пытаюсь понять, что это за геометрические обозначения и для чего они нужны, пока не вспомнил о выскакивающих оповещениях и не активировал NS-Eye.

С секундной задержкой имплант заработал, и я ахнул. Да уж. Интерфейс претерпел кардинальные изменения. Из привычных мне приложений остались лишь камера, часы и дневник. Всего остального больше не было. Ни выхода в интернет, ни соцсетей, ни папок с воспоминаниями. Даже фитнес-приложения исчезли без следа.

Но удивительно было не это, а то, что приложений стало больше. Значительно больше. Почти весь спектр обзора затмевало полотнище крохотных иконок с непонятными символами, подавляющее большинство из которых оставалось заблокировано. NS-Eye, опознанный Системой как «Глаз Одина» начальной версии, тут же предложил провести сортировку, дабы оставить в обзоре только доступные из них. Что я и сделал.

Новых приложений оказалось всего два. Первое – карта со встроенным компасом, являющая собой вполне классическую историю: огромное пятно неисследованной территории с крохотным белым овалом по центру, по форме напоминающим депривационную камеру. И второе, представляющее куда больший интерес – иконка с моим собственным изображением и подписью «Персонаж». Кликаю на нее и удивляюсь

повторно: мгновение, и перед глазами всплывает целый ворох изображений и текста. Нечто отдаленно напоминающее медицинскую карту с множеством вкладок и сносок. Я видел свою кардиограмму, анализ крови, подробный разбор ДНК-кода, отчеты по работе жизненно важных органов, а также перечень внесенных Системой изменений.

Пару минут я пытался вникнуть в текст и разобраться что к чему, однако почти тотчас же отбросил эту затею. Ибо вывод напрашивался сам собой. Я не медик и понятия не имею, что всё это значит. И нечаянно кликнув на вкладку «энергия», лишний раз убедился в собственной правоте. Полупрозрачная иконка «вжалась» в пространство, и обзор снова затмили непонятные таблицы и графики, в совокупности, иллюстрирующие какое-то отдаленное подобие бухгалтерского учета. Баланс: собственное тело в виде шкалы ста процентов, из которой пятьдесят два процента занимает доля мышц и шестнадцать процентов доля жира, что дает запас энергии в девяносто шесть тысяч пятьсот килокалорий или четыреста четыре тысячи двадцать шесть килоджоулей. Приход был практически нулевой, а расход шел аж по семи направлениям: базовый энергообмен; физическая активность; умственная активность; пищевой и факультативный термогенез; поддержание гомеостаза и регенерация тканей. Причем по каждому из пунктов выводился подробный отчет в режиме реального времени с указанием на то, какое количество энергии тратит каждый конкретный орган. Глядя на все это, я

опешил. Прекрасно, просто прекрасно! Десяток докторских диссертаций в одном флаконе. А нельзя ли посложнее?

Как оказалось, сарказм неуместен. Потому что можно. Параллельно с основной вкладкой «энергия» шла еще одна, дублирующая: шкала под названием «инвольтационное излучение» с коротким пояснением в скобочках – «мана», и целой паутиной связующих ссылок. Что ж, допустим. Уже хорошо. Знакомое слово, хотя странно. Семантическое значение слова «мана» имеет исключительно игровое применение, однако я не в игре. Система меня не обманывала, и в этом я убежден. Но тогда зачем все это? Энергия, мана, шкала здоровья, параметры? Точно! Параметры. Углубляясь в изучение собственного тела, я совсем позабыл о первоначальной цели: сообщения, всплывающие в моменте, когда я отчаянно пытался выбраться из камеры. Они никак не давали мне покоя. И я отчаянно хотел во всем этом разобраться.

Соответствующая иконка нашлась почти сразу, однако нажать на неё я не успел. Мой NS-Eye повёл себя необычно. Оценив бездействие хозяина, артефакт вдруг оживился и вежливо оповестил:

– Не желаете ли сменить интерфейс на универсальный (упрощенный) вариант?

– Да, желаю, – отвечаю с недоверием. Я пользуюсь NS-Eye уже полгода, но еще ни разу не слышал о том, чтобы имплант имел функцию голосового помощника. Насколько известно, этой опции попросту не было.

– *Принято.*

Пошла строка загрузки, и в очередной раз меню претерпевает кардинальные изменения. Теперь оно стало проще, лаконичнее, удобнее. Никаких больше километровых описаний, графиков и диаграмм. Одна лишь информация в сухом ее остатке и ничего лишнего.

Стыдно признать, но подобный вариант нравился мне гораздо больше и точнее соответствовал моим интеллектуальным возможностям. Быть может, когда-нибудь я поднаторею в медицинской терминологии и верну всё как было, но не сейчас.

Возвращаюсь во вкладку «персонаж» и задумчиво чешу затылок:

Эо. Человек 1-го уровня. Версия 21А

Здоровье: 140 ед.

Мана: 200 ед.

Энергия: 100%

Класс: отсутствует.

Специализация: отсутствует.

Основные параметры:

– *Сила 6;*

– *Ловкость 4;*

– *Выносливость 7;*

– *Интеллект 10;*

– *Восприятие 5;*

– Харизма 5.

Дополнительные параметры: отсутствуют.

Отрицательные эффекты:

-10% к скорости роста параметра «Восприятие» (Штраф за пользование артефактом NS-Eye4 / «Глаз Одина»).

Положительные эффекты:

+10% к скорости роста параметра «Интеллект» (Бонус за изъятие артефакта Mnetonics S3 / «Дар Турессия»);

+20% к скорости восстановления магии (КОН I);

+20% к мощи заклинаний магии иллюзий (Расовый бонус потомка стихии Вайоми).

– М-да, – я тяжело вздохнул, разминая регенерирующее колено. По всей видимости, получается, что Система идентифицировала меня как потомка какого-то стихии. И даже неизвестно кто это. Или что это? Быть может, все-таки она меня обманула? Ведь игровая механика налицо, тут и думать нечего. Причем в самом что ни на есть её классическом варианте. Даже раздел «навыки» и «способности» имеется...

Для проверки жму наугад и открываю описание параметра «ловкость».

Ловкость – один из шести основных параметров человека версии 21а. Представляет собой сложный психофизический

комплекс, включающий: координационные способности, пространственную и двигательную точность, общую скорость и скорость реакции, умение прогнозировать положение движущегося предмета во времени т.д.

Воздействует на: гибкость суставов, эластичность связок, вестибулярный аппарат, зрительно-моторные функции организма, мышечную память, а также чувство времени и пространства.

Далее шло более развернутое описание параметра с перечнем навыков, на которые ловкость оказывает влияние, но мне и так уже всё было ясно. Уклонение, карабканье, меткость, скрытность и так далее. Классика. Устраивать вдумчивый экскурс по оставшимся пяти параметрам не вижу острой необходимости.

Пролежав еще пару минут и наконец поддавшись импульсному желанию и здравому смыслу, я принялся сворачивать окошки NS-Eye, оставляя самое необходимое. Чуть поразмыслив, вернулся в настройки и убрал отображение шкалы «Энергия». Ни к чему мне это. Я и сам смогу понять, когда устал. А наблюдать пределы собственных возможностей, мне было как-то не по себе.

Упершись руками, я принял вертикальное положение. Пора вставать и выбираться отсюда.

Первым делом я оценил потолок, который наблюдал расфокусированным взглядом, пока копался в меню NS-Eye. И

еще тогда пришел к выводу, что нахожусь не дома. А оглядевшись вокруг, отчетливо понял: домашней обстановкой тут даже не пахнет. Это было огромное и темное помещение, состоящее преимущественно из металла и пластика. С кучей обломков, труб, решетчатых ярусов и целыми лианами оптоволоконного терновника.

То тут, то там сквозь редкие дыры в потолке просачивались лучики света. Где-то капала вода. Где-то блуждало эхо и раздавались странные звуки, как будто бы кто-то скулит и скребется когтями. Большая часть металла была покрыта ржавчиной, а провода поросли зеленым мхом, что медленно их пожирал, вгрызаясь в изоляцию и сердцевину.

Присмотревшись получше, я обнаружил следы пожара, раскуроченные баллоны с надписью «H2» и целые секции горелого пластика, облепленные какой-то белесой пульсирующей плесенью.

А еще тут были камеры. Десятки и сотни депривационных камер. Они валялись повсюду и выглядели так, будто бы их сперва собрали в кучу, а затем нечаянно рассыпали. Некоторые лежали на боку. Другие и вовсе были перевернуты. А третьи выглядели деформированными настолько, что не возникало никаких сомнений: если кто-то и находился внутри, то тот уже явно был не жилец.

Чуть позади одна из труб, видимо, сорвавшись с потолка, пробила камеру навывлет. Сквозь трещину в полу я видел её острый конец, побуревший от спекшейся крови.

– Да уж. Кому-то явно не повезло... – думал, буду блевать, но нет. Оставим это более впечатлительным.

Желудок меня не беспокоил, а вот испугался я знатно. Сердце колотится, а немой вопрос терзает ум: «Что за хрень тут происходит?».

Опускаю голову вниз и обращаю внимание на руки. Небесно-голубое свечение сменилось на черное, с красными всполохами. Вот он. Цвет страха и опасности.

Подобрав колени, я осторожно встал и выбрался наружу. Решетка под ногами жалобно застонала, являя собой классическую жертву коррозии. Некогда гладкий и прочный металл теперь стал матовым, шершавым, крошился и осыпался рыжеющей пылью. Это сколько же лет прошло? Или всему виной агрессивная атмосфера, что чуть меня не убила?

Выпрямившись в полный рост, я поежился. Холодно. По ощущениям градусов шестнадцать, а из одежды на мне лишь трусы. Надо бы достать себе что-нибудь теплое, иначе к ночи я гарантированно околею. Кстати, который сейчас час? Я перевел взгляд в правый нижний угол в поисках соответствующей иконки. Время: семнадцать часов тридцать пять минут. Дата: пятнадцатое мая две тысячи шестьсот одиннадцатого года...

– Опа, – я обомлел. – Какая прелесть. Мой бета-тест затянулся на аж целых пятьсот семьдесят два года...

Минута уходит на осознание, и сердце вдруг сдавливает болью. Подождите! Это что получается? Мои бабушка с де-

душкой, родители, друзья... все давно умерли? И мне даже не дали возможности увидеться с ними? Не говоря уже о том, чтобы обнять и проститься?

– Вот дерьмо...

Тоска и сильное чувство потери в одночасье проникают в душу. По какой-то неведомой экзистенциальной причине, но я четко понимал одно: моих родственников больше нет. Никого из них. И я остался один. Совсем один в чужом незнакомом мире.

Наконец весь запас морально-волевых сил истощился, психологические барьеры лопнули, и я свернулся калачиком прямо на ржавой решетке, не обращая ни на что внимания и не видя жуткой картины: геометрические символы и линии на руках уже вовсю полыхали тьмою, испуская вокруг клубы черного дыма.

Вопреки законам аэродинамики, дым не рассеивался в потоках воздуха, а наоборот, сгущался и концентрировался, превращаясь в подобие грозовой тучи. Черное облако разрасталось, электризовалось и накапливало энергию, пропитывая атмосферу аурой стылого отчаяния. Оно питалось моей болью, страхом и ненавистью к тем, кто все это устроил. Однако поглощая эти чувства, оно не забирало их себе, а наоборот, усиливало и возвращало обратно, получая взамен все новые порции черного дыма. Оно действовало по образу биржевого спекулянта, инвестирующего снова и снова в надежде сорвать большой куш и получить полагающиеся ему

проценты.

– Чтоб вы сдохли!

Всё произошло мгновенно. В какой-то момент энергия тьмы достигла критического значения и, преодолев порог, в нависшем облаке пошла ударная ионизация, что вылилась в разряд черной молнии, угодившей мне прямо в затылок. Как ни странно – боли не было. Скорее наоборот. Лежа на полу, я вдруг почувствовал легкий толчок и следующую за ним волну облегчения.

Внимание! Доступно новое заклинание.

– Что? – на секунду я окончательно успокоился, переключив внимание с внутренних переживаний на внешнее оповещение, маячащее перед глазами.

Вы выучили «Страх» – заклинание школы магии иллюзии. Данная способность позволяет выпускать сгустки темной энергии, ввергающей вашу цель в состояние беспричинного страха и первобытного ужаса.

Минимальный эффект: испуг, потеря концентрации и временное замешательство. Базовый эффект: цель бежит прочь или замирает на месте не в силах оказать сопротивление. Максимальный эффект: неизвестен.

Цок!

Я чуть привстал, озираясь по сторонам.

– Кто здесь? – кричу в темноту.

Подождав пару минут и убедившись, что никого рядом нет, возвращаюсь к чтению.

Срок действия заклинания: вариативно. Шанс срабатывания при попадании (без учета сопротивления):

– уровень врага равный вашему и ниже: 100%;

– уровень врага, превышающий ваш: минус 10% за каждый последующий уровень.

Бонус за самостоятельное изучение: +15% к мощи заклинания.

Внимание! Магия, основанная на чувстве страха, является темной магией. Пользуясь ей безрассудно, вы рискуете потерять себя и стать живым воплощением ужаса. Будьте крайне осторожны...

Не успел я дочитать до конца, как выскочило еще одно оповещение:

Получено достижение: «Маг-самоучка I ранга».

Шанс выучить заклинание самостоятельно увеличен на 1%.

Удивляться столь спонтанному обучению не было сил. Еще вчера я заснул в камере у себя дома, а затем проснулся

аж пятьсот семьдесят два года спустя бог знает где. И при этом дважды чуть не погиб, заодно познакомившись с существом из шестого измерения. Такими темпами пора бы уже быть готовым ко всему.

На всякий случай, я перечитал текст еще раз. И снова в голове зрели вопросы. Описание явно брали не из готового путеводителя, а сочиняли будто бы на ходу, адаптируя под мое восприятие.

В подтверждение тривиальной догадке я заметил, как слово «заклинание» вдруг озарилось поясняющей гиперссылкой.

Заклинание – это план, первичная матрица, содержащая информацию, в соответствии с которой будет построена рожденная из вакуума материя, участвующая в силовых взаимодействиях.

Заклинание представляет собой виртуальный трафарет, который сам по себе не содержит никаких физических констант. Для его проявления необходим катализатор в виде энергии (маны). Чем больше энергии вы сможете саккумулировать, тем мощнее получится заклинание.

Ага. Вот почему в описании «Страха» не было ни единого упоминания о том, какое количество энергии потребуется для его активации. Интересно. И сколько же единиц маны необходимо потратить, чтобы напугать взрослого человека?

Тридцать? Сорок? Пятьдесят? Или сто?

В дополнение к описанию чуть ниже появилось вложение с его математической формулой. Взглянув на неё, я с ужасом отшатнулся, будто бы увидел туберкулезную соплю, приправленную россыпью коронавирусов. Ибо это было что-то с чем-то: чудовищных размеров уравнение, на две трети состоящее из букв и непонятных мне символов. Не думая ни секунды, я безжалостно закрыл вложение. С математикой я не дружу. От слова совсем.

Сменив фокус зрения на иконке, выждал пару секунд, а затем перетащил её на панель активного доступа. Раз у меня есть магия, то я хочу её опробовать. Причем прямо сейчас.

Привычным образом, одной лишь силой мысли вжимаю квадратик заклинания. Процесс стартует тяжело. Как двигатель БелАЗа. По ощущениям напоминает становую тягу, но только мозгами. Где штанга – та самая математическая формула. Сознание подходит к ней, примеряется, осторожно касается. Затем хватается крепче, разгадывая замысел и саму её суть. И медленно начинает подъем.

Интуиция подсказывает: резко дергать нельзя. Надорвусь. Подушечки пальцев и линии на руках вновь разгораются черным. Пошел расход маны: три... пять... восемь... двенадцать... двадцать... Я ощущал, как потоки энергии струятся по венам, вибрируя и повышая степень напряжения. Приятное чувство.

Виртуальный трафарет оживает, заполняется, и заклини-

ние готовится вырваться наружу, в проявленную реальность.

Концентрируюсь еще немного, доводя расход маны до сорока единиц, и наконец отпускаю.

С низким жужжанием сгусток темной энергии срывается и выстреливает вдаль.

Я вздрогнул. Абсолютно неожиданно, метрах в тридцати раздался отвратительный писк, а секунду спустя слух донес испуганный стрекот, скрежет когтей и звуки десятков шагов, удаляющихся в пространстве. Кто-то явно спешил убраться подальше.

Вы убили Рыхла-Трупоеда 1-го Уровня. Получен опыт.

Уровень владения навыком «Магия иллюзий» повышен на 1 ед. (Текущее значение: 1).

Приверженность тьме: +10 ед.

Я напрягся, вглядываясь в черноту коридора. Этого мне еще не хватало... И что значит убил? Он там что, от страха помер?

К сожалению, но именно в этот момент ассоциативное мышление устроило гадкий сюрприз. Сам того не желая, я вспомнил статью, где писали про некоторые виды пауков, обладающих настолько хрупкой нервной системой, что те действительно могут умереть от испуга. «Да чтоб тебя!» – Пауки-трупоеды. Арахнофобией я, слава богу, не страдал, однако воображение уже всюду рисовало чудовищные картинки.

Для профилактики еще трижды стреляю вокруг и снова замираю. Тишина. Свалили походу.

При этом краем глаза успеваю подметить неприятную деталь: это не белесая пульсирующая плесень на стенах. Это паутина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.